

СТАТЬИ

З. В. УДАЛЬЦОВА

РОЛЬ ГОРОДОВ И ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В КУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

Средневековое общество, как известно, представляло собой единый живой, развивающийся организм. Все стороны его социально-экономической и культурной жизни были не только тесно связаны между собой, но и взаимно обусловлены. Однако городам, как структурообразующей ячейке средневекового общества, в истории средневековья принадлежит особое, и притом, бесспорно, выдающееся место.

Изучение истории средневековых городов связано с рассмотрением целого ряда сложных теоретических проблем, таких, как типологические отличия городов в различных регионах мира, в частности в Западной Европе, странах Средиземноморья, в Византии и на Руси, континуитет или дисконтинуитет в развитии средневековых городов, социальная структура населения городских центров и др.¹ В советской и зарубежной византистике проблема византийского города многие годы вызывает неослабевающий интерес и порождает острую дискуссию². Вне поля зрения исследователей, однако, остается одна важная проблема — проблема специфики городской культуры и ее роли во всей средневековой культуре в целом и в Византии в частности. В данной статье я коснусь вопроса о городской культуре в Византии на материале ранневизантийской эпохи. Но сначала следует определить позицию в отношении спорных теоретических проблем истории городов в Византийской империи.

Изучая особенности эволюции феодализма в Византии, я уже останавливалась на специфике византийского города и его месте в средневековом обществе. Основные выводы были таковы. В Западной Европе города и городская экономика стали играть выдающуюся роль в общественной жизни преимущественно в XI—XV вв., в эпоху второго великого разделения труда — отделения города от деревни. Рост городов, центров ремесла и торговли, развитие товарно-денежных отношений были качественно новыми явлениями в феодальном обществе Западной Европы, оказавшими серьезное воздействие на его экономику, политический строй и духовную жизнь.

В отличие от Западной Европы в Византии кривая социально-экономической трансформации городов шла от расцвета на заре византийской

¹ *Левитский Я. А.* Города и городское ремесло в Англии в X—XII вв. М.; Л., 1960; *Котельникова Л. А.* Итальянское крестьянство и город XI—XIV вв. М., 1967; *Стам С. М.* Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза, XI—XIII вв.). Саратов, 1969; *Кириллова А. А.* Вопросы социальной и классовой борьбы в английских средневековых городах XIV в. М., 1969; *Осипова Т. С.* Ирландский город и экспансия Англии XII—XV вв. М., 1973; *Средневековый город.* Саратов, 1968—1983. Вып. I—VII; *Корсунский А. Р.* История Испании IX—XIII веков. М., 1976. с. 154—181; *Сванидзе А. А.* Средневековый город и рынок в Швеции (XIII—XV вв.). М., 1980.

² О работах советских ученых, посвященных византийскому городу, см.: *Удальцова З. В.* Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, с. 195—215; *Курбатов Г. Л.* Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.). Л., 1962; *История Византии.* М., 1967, т. 1, с. 101—128.

истории (IV—середины VII в.) через временное затухание их экономической активности в период генезиса феодализма (середины VII—середины IX в.) к новому подъему в IX—XII вв., сменившемуся окончательным упадком в последние два века существования империи. Подобное своеобразие исторического развития городов, на наш взгляд, является одним из важнейших типологических отличий Византии от стран Западной Европы³. Для понимания городской культуры ранней Византии, естественно, особое значение имеет характеристика специфики социально-экономического развития византийских городов IV—середины VII в. При всей противоречивости и сложности этого развития, на наш взгляд, отличительной его чертой является сохранение в эту эпоху крупных городов и интенсивной городской экономики.

В ранний период Византия изобиловала крупными городскими центрами. Природные условия Византийской империи весьма благоприятствовали процветанию городской экономики. Значительные запасы полезных ископаемых, особенно железа, золота, меди, мрамора, стимулировали развитие горных промыслов, рост производства оружия, орудий труда для ремесла и сельского хозяйства, изготовление стекла, ювелирных изделий и различных предметов роскоши. По запасам полезных ископаемых Византия была много богаче соседних стран. Настоящей кладовой золота, серебра, железа и меди были Балканские провинции и Малая Азия. Лишь олово и отчасти серебро в империю ввозились из Британии и Испании. Египет снабжал Византию важнейшим материалом для письма — папирусом. Во многих областях Византии имелся превосходный строительный камень и мрамор, что способствовало расцвету каменного зодчества в городских центрах империи.

В V—VI вв. славились своим богатством, красотой дворцов и храмов, блеском изысканной роскоши, утонченностью образа жизни Александрия в Египте, Антиохия в Сирии, Эдесса в Северной Месопотамии, Тир и Бейрут в Финикии. Переживали эпоху расцвета города Малой Азии — Эфес, Смирна, Никея, Никомидия, а в европейской части постепенно росли и богатели Фессалоника, Филиппополь и Коринф. Бурно развивалась и столица империи Константинополь. В ранневизантийский период Империя ромеев обгоняла Запад по уровню развития городского ремесла и торговли. В это время произведения византийских мастеров оставались недосягаемым эталоном для ремесленников многих стран.

Природные условия и географическое положение Византийской империи были благоприятны и для развития торговли, преимущественно морской⁴. Изрезанность береговой линии, обилие удобных гаваней и островов, господство над проливами, соединяющими Средиземное и Черное моря, способствовали как нельзя более развитию мореплавания и морской торговли. Все раннее средневековье, вплоть до XII в., Византия оставалась великой морской державой⁵. Ее экономические интересы во многом были связаны с транзитной морской торговлей. Византийские купцы, особенно сирийцы и египтяне, проникали в отдаленнейшие уголки ойкумены. На востоке они торговали с такими сказочными в представлении европейцев странами, как Цейлон, Индия и Китай. На юге византийцы вели оживленный обмен с Африканским континентом, установив торговые связи с изобиловавшей золотом, слоновой костью и благовониями солнеч-

³ *Удальцова З. В., Осипова К. А.* Отличительные черты феодальных отношений в Византии (Постановка проблемы). — ВВ, 1974, 36, с. 20—21; *Удальцова З. В.* К вопросу о генезисе феодализма в Византии. — ВО. М., 1971, с. 23—25; *Она же.* Византия и Западная Европа: (Типологические наблюдения). — ВО. М., 1977, с. 21—37 (там же см. литературу вопроса).

⁴ *Louis A. P.* Naval Power and Trade in the Mediterranean A. D. 500—1100. Princeton, 1951; *Ahrweiler H.* Fonctionnaires et bureaux maritimes à Byzance. — REB, 1961, 19, p. 239—252; *Antoniadis-Bibicou H.* Recherches sur les douanes à Byzance. P., 1963.

⁵ *Ahrweiler H.* Byzance et la Mer. P., 1966; *Antoniadis-Bibicou H.* Etudes d'histoire maritime de Byzance. P., 1966; *Boulnois L.* La route de la soie. P., 1963; *Miller J.* The Spice Trade of the Roman Empire. 29 B. C. t. A. D. — 641. Oxford, 1969.

ной Эфиопией. На севере корабли византийских мореходов достигали островов Британии и берегов Скандинавии. В торговле же с Западом по Средиземному морю, несмотря на опасные нападения пиратских судов, византийцы долго сохраняли свою гегемонию. Фактории византийских купцов появляются в Неаполе, Равенне, Массилии (Марселе), Барселоне. Возрастает торговля Византии со странами Причерноморья и Кавказа, особую роль при этом играет опорный пункт Византии в Крыму — Херсонес⁶. Византийские золотые солиды с изображением константинопольских василевсов имели хождение во всех странах и играли роль международной валюты. Никогда не достигала такого огромного размаха, как в период до арабского завоевания и отторжения от империи ее восточных провинций⁷. В VI в. Косьма Индикоплов, купец и отважный мореплаватель, красочно описал путешествие в Аравию, Восточную Африку и на Цейлон. В своей «Христианской топографии» он нарисовал картину оживленной торговли Византии с Эфиопией (Аксум), островом Цейлон (Тапробана), Индией и далеким Китаем⁸. Связи Византии с Китаем подтверждает и другой писатель VI в. — Феофан Византиец, рассказавший о том, как два несторианских монаха вывели в своих полых посохах из Китая грены шелковичного червя, чем и положили начало производству шелка в Византии⁹. Ценнейшие описания экзотических стран Востока и Африки оставил для потомков ранневизантийский церковный писатель Филосторгий¹⁰.

В защите Византии от внешних врагов первостепенную роль сыграл военный флот. Строительство военных и торговых кораблей велось в крупных прибрежных городах империи. Боевые галеры византийцев благодаря техническим усовершенствованиям значительно превосходили военные суда многих других средневековых государств. Разумеется, в жизни ранневизантийского города можно было наблюдать также черты упадка, явления, связанные с кризисом античного полиса и муниципальной собственности¹¹, но в целом экономическое развитие городов все еще шло по восходящей линии.

Итак, в то время как в Западной Европе многие античные городские центры в IV—VI вв. приходили в упадок (исключение в известной мере составляли лишь отдельные области Италии, Южной Галлии и Восточной Испании), Византия на заре своей истории по праву могла называться страной городов¹². Упадок городов в Византии, да и то временный, наступает позже, на наш взгляд, с середины VII в. А этот вопрос, как известно, связан с не затухающей по сей день дискуссией о континуитете или дисконтинуитете в истории византийского города. И в наше время во многих странах имеются как сторонники, так и противники обеих этих

⁶ Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. М.; Л., 1959.

⁷ Rougé J. Recherches sur l'organisation du commerce maritime en Méditerranée sous l'Empire Romain. P., 1966; Jones A. H. M. The Later Roman Empire (284—602). L., 1964, II.

⁸ The Cristian Topography of Cosmas Indicopleustes / Ed. E. O. Winstedt. Cambridge, 1909; Пугачевская Н. В. Византия на путях в Индию. М.; Л., 1951, с. 129—156; Wolska W. La Topographie chrétienne de Cosmas Indicopleustes. P., 1962; Удальцова З. В. Страничка из истории византийской культуры. Косьма Индикоплевст и его «Христианская топография». — ВДИ, 1977, № 1, с. 206—212; Кобищанов Ю. М. Северо-Восточная Африка в раннесредневековом мире. М., 1980.

⁹ Dindorf L. Historici Graeci Minores. Lipsiae, 1870, I, p. 446—449.

¹⁰ Philostorgius. Kirchengeschichte. 2 Aufl. / Ed. I. Bidez. V., 1972; Удальцова З. В. Филосторгий — представитель еретической церковной историографии. — ВВ, 1983, 44, с. 3—17.

¹¹ Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. Л., 1971; Грохова В. Место Византии в типологии европейского феодализма. — ВВ, 1979, 40, с. 3—8.

¹² Удальцова З. В. Генезис и типология феодализма. — Средние века, 1971, 34, с. 13—38; Гутнова Е. В., Удальцова З. В. Генезис феодализма в странах Европы. — В кн.: XIII Международный конгресс исторических наук: Доклады конгресса. М., 1973, т. 1, ч. 4, с. 5 и след.

теорий¹³. Византилисты и сегодня ведут споры о том, имел ли место в Византии континуитет позднеантичного и средневекового города, или между ними существовала цезура. Иными словами, речь идет о том, был ли византийский город прямым наследником и продолжателем традиций позднеантичного города или новым общественным организмом. Я являюсь сторонницей теории дисконтинуитета византийского города и признаю наличие цезуры в VII—середине IX в. между ранневизантийским и средневековым городом в империи. В решении этого спорного вопроса, однако, на мой взгляд, надо воздержаться от крайностей: не следует как преувеличивать степень упадка византийских городов в указанный период, так и отрицать его. Упадок византийских городов в эти столетия нашел выражение в ухудшении техники массового ремесленного производства, особенно керамического, в сокращении монетного обращения и тесаврации золотой и серебряной монеты, в изменении организации ремесла и торговли, развитии поместного ремесла и в замене крупных эргастриев мелким ремесленным производством¹⁴.

Однако в Византии эти процессы, связанные с общей натурализацией хозяйства в период генезиса феодализма, имели специфические особенности. Прежде всего все более углубляется существенное различие в социально-экономическом и культурном развитии прибрежных городских центров и городов-крепостей, расположенных во внутренних областях империи. Разумеется, резкий контраст в уровне развития прибрежных и внутренних городов отнюдь не является спецификой экономической жизни Византии, но имеет достаточно наглядные аналогии в судьбах городов Италии, Южной Франции и Восточной Испании¹⁵. Но сохранение античного наследия в крупных эллинизированных и романизированных морских портах Византии, естественно, имеет значительно бóльшие масштабы и более длительную устойчивость, чем в каких-либо других европейских странах средневекового мира. В Византии той эпохи, бесспорно, сохранялись крупные городские центры, унаследованные от позднеантичного времени, но наряду с ними росли и новые, средневековые города. Они возникали или на месте разрушенных и захиревших античных городов, или на вновь освоенных территориях, чаще — на морском побережье, реже — внутри страны. В VIII—X вв. постепенно менялся и внешний облик византийского города. При сохранении в основном его стройной планировки, с прямыми улицами, открытыми портиками, богатыми общественными зданиями, домами античного типа в два и три этажа, появляются и замкнутые, укрепленные жилища горожан, а архитектурной доминантой города все чаще становится христианская базилика¹⁶. Новейшие археологические открытия в византийских городах, в частности в Херсонесе в Крыму, позволяют проследить медленную трансформацию в планировке и застройке средневекового города по сравнению с античным¹⁷.

Однако следует признать, что континуитет в развитии городов в Византии обнаруживается более явно, чем в большинстве регионов Западной Европы. Даже в сравнении с Италией, Южной Францией и Восточ-

¹³ Сторонниками непрерывного развития городов в Византии являются: *Ostrogorsky G.* Byzantine Cities in the Early Middle Ages. — DOP, 1959, 13, p. 47—66; *Velkov V.* Das Schicksal der antiken Städte der Ostbalkanländer. В., 1963; *Сюзюмова М. Я.* Византийский город (середина VII—середина IX в.). — ВВ, 1967, XXVII, с. 38—70; *Он же.* Роль городов-эмпориев в истории Византии. — ВВ, 1956, VIII, с. 26—46 и др. Противниками теории континуитета городов выступают: *Kirsten E.* Die byzantinische Stadt. — In: Berichte zum XI. Intern. Byzant.-Kongress. München, 1958, S. 19—48; *Zakythinis D.* Le despotat grec de Morée. P., 1932, vol. II, p. 169 sq. и др. Дискуссия по этой проблеме в советской историографии освещена в кн.: *Удальцова З. В.* Советское византиноведение за 50 лет, с. 200—215.

¹⁴ История Византии. М., 1967, т. 2, с. 23—33.

¹⁵ *Корсунский А. Р.* История Испании IX—XIII веков, с. 154—181.

¹⁶ Crisis Greek Town Building. Athens, 1965.

¹⁷ *Романчук А. И.* Слои VII—VIII вв. в портовом районе Херсонеса. — АДСВ, 1975, 11, с. 3—29; Сводный отчет о раскопках в Херсонесе см.: АДСВ, 1971, 7, с. 5—126.

ной Испанией позднеантичные города Византии доказали свою большую жизнеспособность как в сфере экономики, так и в сфере культуры. Деурбанизация, происходившая в VII—середине IX в., ощущалась в Византии слабее, чем на Западе; более того, византийские города, пережив известный упадок, раньше, чем города Западной Европы, вступили в полосу экономического процветания. Новый подъем византийских городов, начавшийся в X в., достиг своего апогея в XI—XII вв., причем охватил не только столицу, но и некоторые провинциальные городские центры¹⁸.

Каковы же были причины столь своеобразного развития городов в Византии? Рождение средневекового города в империи происходило в иных, чем на Западе, условиях. Феодальные общественные отношения в византийских городах складывались в обстановке более длительного изживания традиций античного полиса. Это имело свои как положительные, так и отрицательные последствия. Античное наследие, которое получила Византия от Поздней Римской империи, сперва послужило мощным стимулом расцвета городов и помогало в раннее средневековье сохранению их экономического превосходства над городами Западной Европы. Воспринятые от поздней античности и в какой-то мере сохраненные в Византии традиции ремесленного производства и его высокая техника, секреты и навыки мастерства ремесленников в этот период давали византийскому городу немаловажные преимущества по сравнению с городами других стран Европы. Тормозящее же воздействие на развитие новых производственных отношений в городах оказывал применявшийся в значительно больших масштабах, чем на Западе, рабский труд¹⁹.

Другим важным фактором, оказавшим влияние на формирование средневекового города в Византии, была государственная регламентация городского ремесла и торговли. Это явление, столь характерное именно для средневековой Византии, сохранившей свою государственную централизацию, имело позитивные и негативные стороны. Возникнув еще в ранней Византии, оно достигло расцвета в X—XII вв. Покровительство торгово-ремесленным корпорациям со стороны сильного государства стимулировало временный расцвет городского ремесла. Государственная поддержка обеспечивала торговую монополию цехов, защиту ремесленных корпораций от конкуренции внецехового ремесла, обилие заказов императорского двора, армии, константинопольской знати, безопасность на дорогах и в городах империи²⁰.

Государственная помощь, однако, покупалась дорогой ценой: цехи теряли свою самостоятельность и попадали под строгий контроль центральной власти. До поры до времени выгоды, извлекаемые торгово-ремесленными корпорациями из подобного привилегированного положения, превышали ущерб, наносимый их деятельности постоянной государственной регламентацией. Более того, эти привилегии даже давали византийским корпорациям немаловажные преимущества в сравнении с условиями, в которых рождались ремесленные цехи и купеческие гильдии других стран Европы.

¹⁸ East W. G. The Destruction of Cities in the Mediterranean Land. Oxford, 1971; Гутнова Е. В., Удальцова З. В. К вопросу о типологии развитого феодализма в Западной Европе. — В кн.: Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975, с. 107—123; Удальцова З. В. Проблемы типологии феодализма в Византии. — Там же, с. 144—152.

¹⁹ Hahn J. Freie Arbeit und Sklavenarbeit in der spätantiken Stadt. — Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis de Rolando Eötvös nominate, Sectio Historica, 1961, III, p. 37 sq.

²⁰ Формы и методы государственной регламентации и внутренняя организация корпораций подробно описаны в «Книге эпарха» (X в.). См.: Византийская «Книга эпарха» / Вступ. ст. и коммент. М. Я. Сюзюмова. М., 1962; Сюзюмов М. Я. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X в. — ВВ, 1951. IV, с. 11—41; Он же. Предпринимательство в византийском городе. — АДСВ, 1966, 4, с. 2—30; История Византии, т. 2, с. 134—154; Наследова Р. А. Ремесло и торговля Фессалоники конца IX—начала X в. — ВВ, 1956, VIII, с. 77 и след.; Antoniadis-Bibicou H. Recherches sur les douanes à Byzance; Guillou A. La civilisation byzantine. P., 1974, p. 243—316, bibliographie, p. 602—603.

Все же в раннее средневековье экономическое превосходство Византии над другими европейскими странами было бесспорным. Коренной перелом в поступательном экономическом развитии Византии наступил в XII в. С конца этого столетия экономическое превосходство переходит, и притом окончательно, к государствам Западной Европы. И пожалуй, решающую роль в этом сыграли различия в судьбах византийских и западноевропейских городов. Именно в XII в. пути общественного развития городов Византийской империи и Западной Европы окончательно разошлись²¹.

Другой важной типологической особенностью общественного развития Византии была совершенно исключительная роль столицы в экономической, политической и культурной жизни империи. Византия была страной, где среди всех городов постепенно стал полностью доминировать самый могущественный и богатейший городской центр, столица государства Константинополь²². Возвышение Константинополя началось в ранней Византии и достигло своего апогея в VI в. в правление Юстиниана. Именно в это время Константинополь украсился великолепными дворцами и храмами, а гавань Золотого Рога стала крупнейшим портом Средиземноморья²³. Столица империи оставалась очагом античной культуры, но и приобрела новые, религиозные функции, став резиденцией Константинопольской патриархии, все более и более претендующей на главенство среди других патриархий православного мира. В ранней Византии Константинополь представлял собой огромный хорошо укрепленный город с многочисленным населением (доходившим порой до 500 тыс. чел.)²⁴. Особый политический и идеологический престиж столице империи придавало и то, что она всегда оставалась местом пребывания имперского правительства, резиденцией императора и его двора, центром административного управления византийским государством. Здесь сосредоточивались все ведомства центральной администрации с огромным штатом чиновников, притом высших рангов. И естественно, все это влекло за собой превращение Константинополя в главный идеологический центр империи, где формировалась политическая доктрина византийской государственности, вынашивались стратегические планы внешней и внутренней политики Византии²⁵. Разумеется, при этих условиях Константинополь не мог не стать, и действительно стал, главным средоточием византийской культуры и образованности, постепенно оттеснив на второй план другие города империи. Однако этот процесс был достаточно длительным, и в ранней Византии в культурной жизни с Константинополем соперничали такие очаги древней культуры, как Александрия²⁶, Антиохия²⁷, Бейрут, Эфес, Смирна, Никея, Фессалоника, Коринф и Афины. Лишь в последующие столетия

²¹ История Византии. т. 2, с. 153—154; *Удальцова З. В.* Византия и Западная Европа. — ВО. М., 1977, с. 31—33; *Медведев И. П.* Проблема мануфактуры в трудах классиков марксизма-ленинизма и вопрос о так называемой византийской мануфактуре. — В кн.: В. И. Ленин и проблемы истории. Л., 1970, с. 391—408.

²² *Dagron G.* Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 à 451. P., 1974.

²³ *Schultze V.* Altchristliche Städte und Landschaften. I. Konstantinopel. Leipzig, 1913; *Hearsey J.* The City of Constantine (324—1453) L., 1963; *Talbot-Rice D.* Constantinople. From Byzantium to Istanbul. L., 1965; *MacLagan M.* The City of Constantinople. L., 1968; *Jacoby D.* Constantinople. City on the Golden Horn. N. Y., 1969.

²⁴ *Janin R.* Constantinople byzantine. P., 1965; *Beck H.-G.* Konstantinopel. Zur sozialgeschichte einer frühmittelalterlichen Hauptstadt. — BZ, 1965, 58, S. 11—45. О численности населения Константинополя см.: *Jacoby D.* La population de Constantinople à l'époque byzantine. — BZ, 1961, 31; *Jones A. H. M.* Op. cit., II, p. 695 sq.; *Guillard R.* Études de topographie de Constantinople byzantine. Berlin; Amsterdam, 1969, I—II.

²⁵ *Beck H.-G.* Großstadt-Problem. Konstantinopel vom 4—6. Jahrhundert. — In: Studien zur Frühgeschichte Konstantinopels. München, 1973.

²⁶ Об Александрии см.: *Davis H. T.* Alexandria, the Golden City. Evanson, 1957, I—II; *Schubart W.* Alexandria. — RAC, I, S. 271—283; *Johnson A., West L.* Byzantine Egypt. Economic Studies. Princeton, 1949.

²⁷ Об Антиохии см.: *Downey G.* History of Antioch. Princeton, 1961.

культурное превосходство Константинополя стало неоспоримым, что нашло выражение в различных сферах культуры.

Современники прекрасно сознавали выдающуюся роль Константинополя в политической и культурной жизни Византийской империи. Недаром его прославляли ранневизантийские риторы Гимерий и Фемистий, а поэты Павел Силенциарий и Агафий воспевали красоту его храмов и дворцов. Действительно, этот «великий город» по своей роли в истории Византии и по своему значению в международной политике средневековья мог сравниться лишь с Римом²⁸. И конечно, не с тем захолустным Римом, каким стал «Вечный город» в эпоху раннего средневековья, а с императорским Римом времен его расцвета. Ведь недаром до последних своих дней Константинополь сохранил гордое название «Нового Рима»²⁹. В Западной Европе не было в средние века города, подобного Константинополю, — средневековые Париж, Лондон или Барселона не могли соперничать с ним.

Такое гипертрофированное развитие столицы империи, обусловленное сохранением в Византии централизованного государства, имело свои как положительные, так и отрицательные последствия для экономической, политической и культурной жизни страны³⁰. В сфере экономики, с одной стороны, оно стимулировало развитие ремесла и торговли (особенно транзитной) в самом Константинополе³¹ и его пригородах, но с другой — тормозило экономический рост провинциальных центров. В сфере политики, идеологии и культуры оно давало мощные стимулы для блестящего подъема византийской цивилизации, но унифицировало и идейно подавляло культурное развитие провинциальных городов. Однако, повторяем, этот процесс был длительным и сложным, и, пожалуй, в сфере культуры сопротивление провинциальных центров нивелирующему воздействию культурного влияния Константинополя в ранний период было особенно сильным.

В социальной структуре населения византийских городов также наблюдались существенные типологические отличия от стран Западной Европы. На Западе, как известно, в эпоху классического средневековья кардинальным отличием социальной стратификации являлся сословно-корпоративный характер общества. В жизни средневековой Европы все большее значение приобретали сословные привилегии, в городах широкое распространение получили цеховые корпоративные организации.

В Византии на состав и характер господствующего класса оказали решающее влияние три основные типологические особенности социально-экономического и политического развития общества. Важнейшая из них — наличие сильной государственной власти и гипертрофированная роль столицы империи. Это предопределяло чрезвычайно большое место, которое занимали константинопольская знать и высшее чиновничество в структуре господствующего класса³². Вторая типологическая особенность — выдающаяся роль в жизни империи городов и товарно-денежных отноше-

²⁸ *Dölger F.* Die frühbyzantinische und byzantinisch beeinflusste Stadt (V—VIII. Jh.). — *Парастора*, 1961, S. 107—139; *Mayer R.* Byzantion—Konstantinopolis—Istanbul. — *Denkschriften der Akad. d. Wiss. Wien, Phil.-hist. Klasse*, 1943, 73,3; *Downey G.* Constantinople in the age of Justinien. Oklahoma, 1960; О численности населения Александрии, Антиохии и Константинополя см.: *Beck H.-G.* Konstantinopel, vom 4—6. Jahrhundert, S. 11—12.

²⁹ *Dölger F.* Rom in der Gedankenwelt der Byzantiner. — In: *Byzanz und die Europäische Staatenwelt*. Ettal, 1953, S. 70—115; *Beck H.-G.* Konstantinopel das neue Rom. — *Gymnasium*, 1964, 71, S. 166—174; *Hunger H.* Reich der Neuen Mitte. Graz, 1965; *Ahrweiler H.* Constantinople Second Rome. — In: *Da Roma alla terza Roma*. Atti del I seminario internazionale di studi storici 21—23 april. 1981, p. 307—345.

³⁰ *Barker J.* Justinian and the Later Roman Empire. Madison, 1966; *Franzius Z.* History of Byzantine Empire. N. Y., 1967.

³¹ *Gren E.* Kleinasien und Ostbalkanen in der wirtschaftlichen Entwicklung der römischen Kaiserzeit. Uppsala; Leipzig, 1941, S. 161 f.

³² *Beck H.-G.* Das byzantinische Jahrtausend. München, 1978, S. 11—86; *Karajannopoulos J.* Das Finanzwesen des frühbyzantinischen Staates. München, 1958.

ний — привела к тому, что торгово-ремесленная верхушка византийских городов, в первую очередь Константинополя, также стала важной составной частью господствующего класса Византийской империи³³. Купцы, владельцы ремесленных мастерских, навклеры (владельцы торговых кораблей), однако, не играли первенствующей роли в управлении городов и находились в орбите политического влияния сената, высшей аристократии и чиновничества³⁴. Третья типологическая особенность — незавершенность развития вотчинно-сеньориального строя — обусловила относительную слабость византийской землевладельческой провинциальной знати³⁵.

Еще одна характерная особенность господствующего класса в империи — его нестабильность, отсутствие замкнутости византийской элиты. В ряды константинопольской знати, да и знати других крупных городских центров, нередко вливались выходцы из торгово-ремесленных кругов и средних слоев общества. Разбогатевшие купцы, ростовщики, владельцы кораблей могли приобретать важные государственные должности. Иными словами, в империи не существовало непроходимых сословных перегородок и наблюдалась постоянная динамика в составе господствующего класса³⁶. Особенно изменчиво и нестабильно было население столицы — Константинополя, а оно, по словам Бека, как бы олицетворяло население всей империи³⁷.

Для нашей темы особенно большое значение имеет определение места образованной интеллигенции, духовной элиты в социальной стратификации византийского города. В ранней Византии духовная элита — получившие прекрасное классическое образование юристы, знатоки права и юриспруденции, врачи, писатели, грамматики и риторы, преподаватели высших и средних школ, поэты, историки, художники, архитекторы, — бесспорно, играла выдающуюся роль в культурной жизни городов, и особенно Константинополя. Прокопий, рассказывая о населении столицы, перечисляет различные социальные группировки в определенном порядке, отводя им то место, какое они, по его мнению, занимали в обществе: сенаторы, духовенство, чиновничество, военные, риторы, философы, адвокаты, учителя, торговцы, ремесленники, городская беднота, актеры³⁸.

Изучению социальной структуры Константинополя в ранневизантийский период уделяется много внимания в научной литературе, где, как мы увидим, не существует единства мнений. Г. Г. Бек делит население столицы на три больших социальных слоя: аристократия, средние слои и народные массы³⁹. Интеллигенция у него попадает в средние слои, к которым он относит владельцев эргастриев, средних землевладельцев, врачей, преподавателей. Ж. Дагрон ограничивается делением населения только на две большие социальные группы — сенат и народ⁴⁰. Ф. Тиннефельд дает более подробное деление населения Константинополя, на 12 со-

³³ Beck H.-G. Konstantinopel, S. 21—23; Lopez R. S. Silk Industry in the Byzantine Empire. — *Speculum*, 1945, XX, 1, p. 1—42; *Idem*. An Aristocracy of Money in the Early Middle Ages. — *Speculum*, 1953, XXVIII, 1, p. 1—43; Platon G. Les banquiers dans la législation de Justinien. P., 1912.

³⁴ Beck H.-G. Senat und Volk von Konstantinopel: Problem der byzantinischen Verfassungsgeschichte. — Bayer. Akademie der Wissensch., Phil.-hist. Klasse, Sitzungsberichte, 1966; Moss H. St. L. B. Byzanz, Geschichte und Kultur des oströmischen Reiches. München, 1964; Guillard R. La noblesse byzantine. Remarques. — REB, 1966, XXIV; Seidler G. Soziale Ideen in Byzanz. В., 1960; Чекалова А. А. Сенаторская аристократия Константинополя в первой половине VI в. — ВВ, 1972, 33.

³⁵ Удальцова З. В. Византия и Западная Европа. — ВО. М., 1977, с. 38—46; Удальцова З. В., Одинова К. А. Отличительные черты феодальных отношений в Византии. — ВВ, 1974, 36, с. 26—28; Вернер Э. Византийский город в эпоху феодализма: Типология и специфика. — ВВ, 1976, 37, с. 8—12.

³⁶ Удальцова З. В. Проблемы типологии феодализма в Византии, с. 154—155.

³⁷ Beck H.-G. Konstantinopel, S. 12.

³⁸ Procop. H. a., XXVI, 16.

³⁹ Beck H.-G. Konstantinopel, S. 19—21.

⁴⁰ Dagron G. Naissance d'une capitale, p. 119—205, 297—366.

циальных категорий: 1) сенаторская аристократия, 2) чиновники, 3) военные, 4) клирики, 5) ученые, 6) врачи, 7) адвокаты, 8) архитекторы, 9) торговцы, 10) ремесленники, 11) лица без определенных занятий, 12) рабы⁴¹. Согласно новейшему исследованию советской византистки Г. Е. Лебедевой, в ранневизантийском обществе можно наметить такие социальные слои: сенаторская аристократия, плебс, городские рабы⁴². Широкого деления придерживается также А. Джонс (сенаторы, торговоремесленные слои, представители свободных профессий)⁴³.

Большой интерес представляет попытка некоторых ученых выяснить материальное положение интеллигенции Константинополя. При наличии различных мнений исследователи единодушны в признании значительного имущественного расслоения внутри этого социального слоя. Среди константинопольской интеллигенции, безусловно, были привилегированные группировки. К ним, в частности, принадлежали придворные врачи, близкие ко двору, лечившие императора и его семью: это были богатые люди, которым был открыт доступ к высшим государственным чинам. Они не только освобождались от налогов, получали содержание от государства, но и брали плату за лечение⁴⁴. Архитекторы, строители, инженеры, строившие дворцы и храмы столицы, тоже были достаточно богаты. Врачи, архитекторы, ученые, по сведениям византийских авторов VI в., жили в отдельных домах⁴⁵. При этом, по подсчетам некоторых исследователей, частных домов в Константинополе было больше, чем в Риме, что, быть может, указывает на многочисленность состоятельных чиновников и интеллигентов в новой столице империи⁴⁶. Весьма влиятельной прослойкой византийской интеллигенции были юристы, адвокаты, знатоки юриспруденции. Некоторые из них, по словам Прокопия, получали столь высокие гонорары, что располагали средствами для роскошной жизни⁴⁷. Преподаватели высших школ получали жалованье от государства и были освобождены от налогов, муниципальных повинностей, военной службы и постоя солдат⁴⁸. Им был открыт доступ в ряды чиновной аристократии. Профессора университетов носили особую почетную одежду⁴⁹. Высшее образование стоило дорого, и получить его могли лишь дети достаточно состоятельных родителей.

Вместе с тем в Константинополе среди интеллигенции было немало лиц среднего и даже низкого достатка. Преподаватели начальных школ не имели жалованья от государства и жили на вознаграждение, полученное от родителей учеников; иногда их заработок не превышал заработка рядового ремесленника⁵⁰. В городах, в частности и в Константинополе, было немало врачей, живших на скудные средства от частной врачебной практики. Эти социальные различия в среде византийской интеллигенции казались, видимо, всем свободных профессий⁵¹. То же, кстати сказать, касается и византийского духовенства. Низший клир по материальному положению приближался к бедным слоям населения. Но среди духовенства были и лица среднего и высшего достатка, которых сравнивают со средними слоями, динатами и архонтами⁵². При нестабильности византийской

⁴¹ *Tinnefeld F.* Die frühbyzantinische Gesellschaft. Struktur — Gegensätze — Spannungen. München, 1977, S. 23.

⁴² *Лебедева Г. Е.* Социальная структура ранневизантийского общества. Л., 1980.

⁴³ *Jones A. H. M.* Op. cit., ch. XV, XXI, XXIX.

⁴⁴ *Magoulias H. J.* The Lives of the Saints as Sources of Data for the History of Byzantine Medicine in the sixth and seventh Centuries. — BZ, 1964, 57, p. 129 sq.

⁴⁵ *Agath. Hist.*, V, 6—7.

⁴⁶ *Jones A. H. M.* Op. cit., II, p. 689.

⁴⁷ *Procop.* H. a., XXVI, 2.

⁴⁸ *Jones A. H. M.* Op. cit., II, p. 997.

⁴⁹ *Fuchs F.* Die höheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter. Leipzig; Berlin, 1926.

⁵⁰ *Jones A. H. M.* Op. cit., II, p. 997.

⁵¹ *Pailagean E.* Pauvreté économique et pauvreté sociale à Byzance 4e—7e siècles. P., 1977.

⁵² *Beck H.-G.* Kirche und Klerus im Staatlichen Leben von Byzanz. — REB, 1966.

элиты некоторым представителям интеллигенции была открыта дорога к высшим ступеням чиновной иерархической лестницы⁵³. Наиболее впечатляющим примером восхождения образованных интеллигентов к вершинам власти является, как известно, карьера Прокопия Кесарийского, достигшего сана префекта⁵⁴, и Петра Патрикия — видного дипломата и государственного деятеля при Юстиниане⁵⁵.

Однако положение образованных талантливых интеллигентов ранней Византии порой было весьма незавидным. Материальная необеспеченность, необходимость зарабатывать на жизнь, занимаясь нелюбимым трудом, политическая и моральная зависимость от придворной аристократии и двора — все это затрудило их творческую деятельность.

Идеолог светской интеллигенции Византии VI в. писатель и поэт Агафий Миринейский жаловался, что в юные годы, получив юридическое образование, он вместо занятия «сладостными ритмами» и чтения произведений древних мудрецов должен был целые дни просиживать в портике близ императорского дворца, составляя клиентам различные прошения и жалобы⁵⁶. Адвокат по профессии, Менандр Протиктор, ища спасения от грозящей ему бедности, написал по заказу императора Маврикия историческое сочинение в панегирическом духе, которое обеспечило ему средства к существованию⁵⁷. Ученый, ритор, историк Феофилакт Симокатта в отличие от Агафия и Менандра был знатного происхождения, имел связи в родном городе Александрии, но все же, занимаясь естественными науками и историей и переехав в Константинополь, принужден был искать покровительства императорского двора⁵⁸. Примеры зависимости светской интеллигенции от высшей аристократии и двора, естественно, можно умножить. Вместе с тем следует отметить присущее наиболее талантливым представителям городской интеллигенции глубокое чувство собственного достоинства и сознание выдающегося значения науки и культуры в жизни общества. Так, например, Агафий прославляет созидательный труд, украшающий жизнь человека, — труд архитектора, строителя, художника, философа, мыслителя. В его высокой оценке значения науки и роли ученого в общественной жизни нашли свое выражение мысли и чувства образованной элиты Византии, воспитанной в традициях античной цивилизации⁵⁹. Классической моделью наилучшего государственного устройства для Агафия служит государство Платона, где «философия и царство объединяются в одно целое»⁶⁰.

Превыше всего Агафий ценит античную науку, особенно философию. По его мнению, творения античных философов — вершина человеческой мысли⁶¹. Человеческий разум и обаяние слова прославляет Менандр Про-

XXIV, S. 23; Г. Г. Бек сближает положение некоторых клириков со статусом философов и раторов.

⁵³ Г. Г. Бек является сторонником теории «открытости» византийской элиты «сверху» и «снизу» и подчеркивает частые изменения в составе высших государственных чиновников. См.: *Beck H.-G. Constantinopel*, S. 13. Против этой теории выступают Харанис и Дагрон. См.: *Charanis P. On the Social Structure of the Later Roman Empire.*—*Byz.*, 1944—1945, 17; *Dagron G. Naissance d'une capitale*, p. 137—190; ср.: *Курбагов Г. Л.* К проблеме перехода от античности к феодализму в Византии. — Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. 1980, № 3, с. 20 и след.; *Лебедева Г. Е.* Социальная структура..., с. 153—162.

⁵⁴ *Удальцова З. В.* Мировоззрение Прокопия Кесарийского. — ВВ, 1971, 31, с. 8—22. Она же. Идеино-политическая борьба в ранней Византии. М., 1974, с. 145—196.

⁵⁵ *Удальцова З. В.* Дипломатия ранней Византии. — Вопр. истории, 1983, № 12, с. 104—107.

⁵⁶ *Agath. Hist.*, III, 1. См.: *Удальцова З. В.* Идеино-политическая борьба..., с. 197—237 (там же — литература об Агафии).

⁵⁷ *Удальцова З. В.* Идеино-политическая борьба..., с. 243 и след.

⁵⁸ Там же, с. 276 и след.

⁵⁹ Памятники византийской литературы IV—IX вв. М., 1968, с. 173; *Удальцова З. В.* Идеино-политическая борьба..., с. 214; *Cameron Av. Agathias.* Oxford, 1970.

⁶⁰ *Agath. Hist.*, II, 30.

⁶¹ *Ibid.* Ср.: *Удальцова З. В.* Историко-философские воззрения светских авторов ранней Византии. — ВО. М., 1982, с. 3—22; *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978, Bd. I.

тиктор⁶². Феофилакт Симокатта в своем «Диалоге философии с историей» буквально пропел гимн в честь человеческой мудрости. Для него разум — лучший помощник человека, который помог ему создать науки, ремесла и искусства. «Но самое важное, что создано разумом, — это история: слуху дарует она разнообразные наслаждения, для души она — лучшая школа и воспитание»⁶³.

Приведенные примеры показывают, как высоко оценивали современники роль науки и культуры в жизни ранневизантийского общества. И действительно, в ранний период своей истории, да и в последующие столетия, Византийская империя — эта прямая наследница греко-римского мира и эллинистического Востока — оставалась центром своеобразной и поистине блестящей культуры. Более того, вплоть до XIII в. Византия по уровню развития образованности, по напряженности духовной жизни и богатому разнообразию материальной культуры, бесспорно, стояла впереди всех стран средневековой Европы. И немалую роль в этом сыграло сохранение в Византийской империи городов — центров не только ремесла и торговли, но и культуры и образованности.

Развитие в Византии науки и культуры стимулировалось реальными жизненными потребностями империи в целом и крупных городских центров в частности. Наука занимала почетное место в культурной жизни общества. В математике и астрономии наряду с комментированием древних авторов не затухало научное творчество, питаемое потребностями практики — строительного дела, ирригации, мореплавания. Занятия философией и математикой были неразрывно связаны между собой, поэтому немудрено, что крупнейшие философы-неоплатоники той эпохи внесли свой вклад в развитие математической науки. Так, знаменитый неоплатоник Прокл (V в.) изучал и комментировал математические трактаты древних авторов, внося много нового в их истолкование. Феон Александриец и его прославленная дочь Ипатия, женщина исключительных дарований и трагической судьбы, были выдающимися математиками, создавшими ценные комментарии к математическим трудам древних авторов. Математик Домнин (V в.) написал трактат по арифметике. Особенно большое практическое значение имело усовершенствование астролябии Синесием Киренским. Трактаты по астрологии создали философ Иоанн Филопон (конец VI в.) и Стефан Александрийский (начало VII в.). Византийскими математиками и механиками были Анфимий из Тралл и Исидор Милетский — создатели такого шедевра строительного дела и архитектуры, как храм св. Софии в Константинополе.

Античные традиции еще господствуют во всех естественных науках, где сохраняются высокий уровень научного познания мира, классическая образованность⁶⁴. Особое внимание в Византии уделялось тем отраслям знаний, которые были связаны с практикой, прежде всего с медициной, сельским хозяйством, ремеслом, военным и строительным делом. В Византии той эпохи была проведена огромная работа не только по усвоению всех научных достижений поздней античности, но и по систематизации и комментированию трудов древних авторов. Работа по разысканию, переписке и экзегезе памятников древности способствовала их сохранению и передаче достижений античности будущим поколениям. Однако вклад византийских ученых того времени в развитие научной мысли не ограничивался только этим. В ранней Византии происходил процесс постепен-

⁶² *Menandr. Excerpt. de sent.*, fr. 39.

⁶³ *Theoph. Simoc. Hist.*, praef., 3—6; *Удальцова З. В.* К вопросу о мировоззрении византийского историка VII в. Феофилакта Симокатты. — ЗРВИ, 1968, XI, с. 29—45; *Она же.* Идеино-политическая борьба..., с. 275—294 (там же — литература о Симокатте); *Tinnefeld F. H.* Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie von Procop bis Niketas Choniates. München, 1974; *Cameron Av. et Al.* Christianity and Tradition in the Historiography of the Later Roman Empire. — *Classical Quarterly*, 1964, 14.

⁶⁴ *Haussig H.-W.* Byzantine Civilization. L., 1971, p. 115—121.

ного переосмысления и совершенствования позитивных научных знаний, накопленных античностью. Это помогло византийским ученым существенно продвинуться в математике, механике, астрономии, навигации, строительном и военном деле и во многих других отраслях науки. Но исходными позициями в развитии естественнонаучных знаний, разумеется, оставались античные традиции⁶⁵.

Многообразные торговые и дипломатические связи Византии требовали углубления географических и естественнонаучных знаний. Византийские купцы и мореходы вели интенсивную торговлю далеко за пределами родины и нуждались в сведениях о самых отдаленных странах, — недаром в империи появляется большое число произведений географического и космографического характера, описаний природы, флоры и фауны земель Востока и Запада.

Ранний период в истории византийской дипломатии характеризуется прежде всего значительным накоплением эмпирических знаний. Активная внешняя политика империи помогала византийским дипломатам знакомиться с дипломатическими системами крупнейших государств Востока, таких, как Сасанидский Иран, Цейлон, Индия, Китай, королевства Африки и Аравии, с приемами дипломатической системы варваров. Она впитала в себя лучшие достижения дипломатии Поздней Римской империи и эллинистического Востока. Высокий уровень классической образованности, многовековой опыт греко-римской дипломатии, строгая централизация посольского дела и всего административного управления ведомства внешних сношений послужили прочной основой дипломатической системы Византии. Византийская империя обладала штатом блестяще образованных дипломатов, знавших языки многих соседних стран, и могла выдвинуть на высшие дипломатические посты таких талантливых дипломатов, как Приск Панийский, Петр Патрикий, Ноннос и многие другие. По счастью, византийские дипломаты зачастую были одновременно писателями, учеными, историками и оставили в своих мемуарах впечатляющую картину развития дипломатии и посольского дела в ранней Византии⁶⁶.

Однако развитие научной мысли в Византии шло не только по восходящей линии, здесь наблюдались зигзаги, отступления, приводящие порой даже к забвению достижений античности и эмпирических знаний предшествующих веков. Так, например, развитие географических представлений о вселенной, мире, земле происходило в обстановке острейшей идейной борьбы. Для христианской церкви вопрос о мироздании, строем вселенной был важнейшим концептуальным, мировоззренческим вопросом. Это было именно то поле битвы, где христианские богословы и философы стремились дать решительный бой античным космогоническим и космографическим теориям. Поэтому немудрено, что в космографии, географии и природоведении той эпохи наблюдается глубокая двойственность. С одной стороны, как мы знаем, развитие мореплавания и торговли, дипломатии и миссионерской деятельности стимулировало заморские путешествия, изучение далеких неведомых стран, их природы, экзотической флоры и фауны, столь удивлявших европейцев. Все это приводило к огромному накоплению в ранней Византии точных знаний по географии, навигационному делу, ботанике, зоологии, картографированию. Но с другой стороны, библейская концепция мироздания начала прони-

⁶⁵ *Sarton G.* Introduction to the History of Science. Baltimore, 1927. Vol. I; *Hauszig H.-W.* Kulturgeschichte von Byzanz. Stuttgart, 1959, S. 168—169, 267; *Vogel K.* Byzantine Science. — The Cambridge Medieval History / Ed. J. M. Hussey. Cambridge, 1967, vol. IV. The Byzantine Empire, part II. Government, Church and Civilisation; *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978, Bd. II; История Византии, т. 1, с. 379—394.

⁶⁶ *Удальцова Э. В.* Дипломатия ранней Византии. — ВИ, 1983, № 12, с. 99—113; *Lounghis T. C.* Les ambassades byzantines en Occident depuis la fondation des états barbares jusqu'aux Croisades (407—1096). Athènes, 1980, p. 9—117.

затем в византийскую географическую науку. В таких сферах знания, как космография, география, космология, имели место сложные взаимодействия и взаимное отрицание античных и христианских теорий⁶⁷.

В IV—VI вв. оформились две основные школы христианской географической мысли. Первая, «антиохийская», отличалась догматическим подходом к истолкованию священного писания и крайне негативным отношением к античной географии. Основные космогонические принципы этой школы состояли в признании плоской земли, над которой распростерто куполообразное твердое небо; существования двух небес, между которыми заключены небесные воды единого океана, окружающего сушу со всех сторон. Эти идеи высказывались и разрабатывались в произведениях Диодора Тарского, Феодора Мопсуэстрийского, Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина и нашли полное выражение в «Гексамероне» Севериана из Габалы. Последователем и наиболее талантливым популяризатором положений «антиохийской школы» был Косьма Индикоплов. Принципы «антиохийцев» завоевали себе господствующее положение в средневековой географии и сыграли в ее развитии крайне реакционную роль, ибо заменили созданную античными классиками модель мироздания (неполную, не вполне точную, но научную по существу) фантастической картиной мироустройства, не имевшей ничего общего с наукой⁶⁸.

Другое направление в развитии географической мысли той эпохи можно назвать «кападокийско-александрийским». Его приверженцами были великие кападокийцы, прежде всего Василий Великий и Григорий Нисский, александрийский ритор Иоанн Филопон, константинопольский поэт Георгий Писиды. Для этих мыслителей характерно уважительное отношение к языческому наследию, активное использование идей античных философов и географов. Главные отличительные черты этой школы — признание шарообразности земли, сферичности небес, окружающих землю со всех сторон, стремление решать географические проблемы исходя скорее из их внутреннего содержания, чем из библейских построений. При всем том, что и представители этой школы оставались христианскими экзегетами, и их концепции во многих аспектах были ограничены влиянием богословской традиции, именно они являлись выразителями прогрессивного в условиях раннего средневековья течения в географии. Его прогрессивность не в самостоятельных теоретических достижениях, а в сохранении для будущего ряда важнейших идей античной науки⁶⁹.

В ранней Византии одновременно продолжают развиваться унаследованные от античности жанры географической литературы. Характерной чертой подобного рода произведений — итинерариев, периплов, индексов географических названий — для ранневизантийской эпохи была их утилитарность и энциклопедизм. Христианство оказало на развитие этого вида литературы лишь формальное и сугубо поверхностное влияние. Что же касается собственно космогонической и географической теории, то борьба античных и христианских концепций здесь в целом завершилась победой христианства. В последующие века господствующей стала «антиохийская» концепция мироздания; в сфере конкретной географии в основном продолжалось развитие античных тем и жанров, включенных в христианскую культуру. Географическая мысль ранней Византии смогла впитать в себя значительную часть опыта античной науки и передать ее последующим поколениям⁷⁰.

⁶⁷ Удальцова З. В. Основные направления развития византийской культуры IV—первой половины VII в. — ВДИ, 1984, № 1, с. 16—18.

⁶⁸ Wolska W. La Topographie chrétienne de Cosmas Indicopleustes. Théologie et science au VIe siècle. P., 1962; Удальцова З. В. Страницка из истории византийской культуры, с. 206—212.

⁶⁹ Lemerle P. Le premier humanisme byzantin. Notes et remarques sur enseignement et culture à Byzance des origines au Xe siècle. P., 1971, p. 24—25, 51—52; Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner, Bd. II, S. 225, 227.

⁷⁰ О развитии географических знаний см.: Kretschmer K. Die physische Erdkunde im christlichen Mittelalter. Versuch einer quellenmässigen Darstellung ihrer histo-

Достаточно развитые товарно-денежные отношения, особенно в городах византийского государства, породили сложную систему гражданского права и способствовали подъему юриспруденции. Создание при Юстиниане «Свода гражданского права» при известном несовершенстве этого грандиозного творения византийских юристов все же является свидетельством высочайшего взлета юридической мысли в VI в. Его творцы — Трибониан⁷¹, глава всего предприятия, и его помощники профессора права Феофил и Грациан из Константинополя, Дорофей и Анатолий из Бейрута — показали себя не только как великолепные знатоки римского права и юриспруденции, но и как вдумчивые, порой творчески мыслящие ученые-юристы⁷². Они в своем по сути компиляторском труде все же учитывали те существенные изменения, которые произошли в реальной жизни, и требовали поправок в законодательстве. И конечно, большую роль при этом сыграл учет изменений в экономической жизни империи, особенно в экономике городов, тесно связанных с развитием гражданского права.

Действительно, влияние новых общественных отношений властно проникло даже в такой бастион римской правовой науки, как кодификация права и юридическое образование. В эпоху грандиозных законодательных реформ Юстиниана в законодательстве ощущались новые веяния. Первые была юридически признана теория естественного права, согласно которой от природы все люди равны и рабство, основанное на подчинении чужому господству, противоречит человеческой природе. Оценить в полной мере значение этого признания можно, только вспомнив, что даже величайшие философы древности Платон и Аристотель считали деление общества на свободных и рабов присущим самой человеческой природе. Византийское право той эпохи выработало немало новых частноправовых норм, в известной мере опиравшихся на обычное право этнически пестрого населения империи, что обеспечило ему в будущем большую жизнеспособность. Прогрессивные реформы были проведены в сфере семейного права, улучшено правовое положение женщины. Вместе с тем юридическая санкция принципа частной собственности, регулирование торгово-ростовщических операций, прав наследования, семейного права и других институтов римско-византийского законодательства оказали бесспорное влияние на развитие юридической мысли в Западной и Восточной Европе и породили рецепции Юстинианова права в буржуазном обществе⁷³.

Фундаментом прогресса науки и культуры в ранней Византии была высокоразвитая система образования, концентрировавшаяся преимущественно в крупных городах империи. Особая нужда ощущалась в образованных юрпстах, которые могли бы вести повседневно многочисленные гражданские (да и уголовные) процессы на основании знаний Кодекса, Дигест и Новелл Юстиниана, ставших в VI в. обязательной юридической

rischen Entwicklung. Wien; Olmütz, 1889; *Robbins F.* The Hexameral Literature. A Study of the Greek and Latin Commentaries on Genesis. Chicago, 1912; *Kimble G. H. T.* Geography in the Middle Ages. L., 1938.

⁷¹ *Honoré T.* Tribonian. L., 1978.

⁷² Источники сохранили имена юристов, принимавших участие в кодификации права при Юстиниане. Кроме указанных выше, в составлении первой редакции Кодекса Юстиниана участвовали юристы Диоскор и Презентин, во второй редакции — Мина, Константин и Иоанн. Многие из них достигли высоких государственных должностей. См.: *Stein E.* Histoire du Bas-Empire. Paris; Bruxelles; Amsterdam, 1949, II, p. 406 sq. При составлении Дигест сотрудничали квестор Патрикий и консул Леонтий, префект претория Фока, квестор Василид, но в Константинополе и в других городах было много юристов, адвокатов и других, занимавших весьма скромные должности.

⁷³ *Удальцова З. В.* Законодательные реформы Юстиниана. — ВВ, 1965, XXVI, с. 3—45; 1967, XXVII, с. 3—37; *Она же.* Положение рабов в Византии в VI в. (преимущественно по данным законодательства Юстиниана). — ВВ, 1964, XXIV, с. 3—34; *Липшиц Е. Э.* Право и суд в Византии в IV—VIII вв. Л., 1976; *Она же.* Законодательство и юриспруденция в Византии в IX—XI вв. Л., 1981; История Византии, т. 1, с. 246—266.

нормой⁷⁴. Сложное административное, финансовое управление, разветвленная дипломатия требовали высокой образованности, знания многих языков, обычаев и нравов различных народов от византийских чиновников и дипломатов.

Отличительной особенностью системы образования в ранней Византии было сохранение еще в значительных масштабах античных традиций. Византия унаследовала от греко-римского мира классическое образование, в основу которого было положено изучение семи свободных искусств. Программы обучения как в высшей, так и в начальной школе; выработанные в предшествующие столетия, еще не подверглись коренной ломке. В IV—первой половине VII в. в Византийской империи, как мы знаем, существовали и даже процветали высшие школы. В крупнейших городах византийского государства они сохраняли выдающееся значение центров классической науки, просвещения, культуры. Сохранили свою былую славу школы философии и естественных наук в Александрии и Антиохии, ораторского искусства в Кесарии, Газе, Никомидии, Кизике, Никее и Анкире. Центром античной философии оставались Афины. Философские школы сохранялись в Пергаме, Эфесе, Сардах. В VI в. приобрела большую популярность Константинопольская высшая школа с кафедрами греческой и латинской грамматики, риторики, философии и права. В связи с кодификацией римского права и расцветом юриспруденции при Юстиниане окрепли старые центры юридического образования, подобные Бейруту, и возникли новые в Константинополе. Поражает многочисленность научных центров и высших школ в Византийской империи, широкий ареал их распространения. При этом бросается в глаза, что большинство их концентрируется в это время в восточных провинциях империи и в Малой Азии. Исключение составляли лишь Афины и Константинополь⁷⁵. Позднее, с отторжением восточных провинций и упадком городов, очагом образованности становится Константинополь, где создается сперва Магнаврская высшая школа, а затем, с 1045 г., и университет. Светские средние школы, однако, еще долго сохранялись в городах империи.

Православная церковь, разумеется, не могла оставить вне своего влияния образование и воспитание молодежи. Она начала активную борьбу за приспособление классической системы обучения к своим религиозным интересам, стремясь воздействовать главным образом на нравственное воспитание юношества в духе христианской религии⁷⁶. Православному духовенству в это время еще не удалось создать свои церковные школы, но оно использовало для распространения христианского вероучения, этики и морали светские языческие школы. Основным религиозным dogмам детей обучали в семьях, через богослужение и проповеди священников. Однако постепенно начали возникать монастырские школы, куда отдавали детей с самого раннего возраста. Иоанн Эфесский, сам получивший образование в монофиситском монастыре, нарисовал картину царящего в этих монастырях фанатизма. Невежественные монахи прививали своим ученикам не знание хотя бы Священного писания, а фанатическую экзальтацию, суровый аскетизм, полное повиновение церковным иерархам.

Вместе с тем христианству необходимы были систематизация философских знаний, создание слоя образованного и сведущего в теологии ду-

⁷⁴ *Дуншиц Е. Э.* Право и суд в Византии в IV—VIII вв., с. 79—192.

⁷⁵ *Schulz F.* History of Roman Legal Science. Oxford, 1946; *Fuchs F.* Die höheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter; *Collinet P.* Histoire de l'École de droit de Beyrouth. — In: Etudes historiques sur le droit de Justinien. P., 1925, t. II; *Buckler G.* Byzantine Education. — In: Byzantinum. An Introduction to East Roman Civilization / Ed. N. H. Baynes, H. St. Moss. London; Paris; Oxford, 1948, p. 207; *Marron H.-J.* Histoire de l'éducation dans l'Antiquité. P., 1966; *Lemerle P.* Le premier humanisme byzantin, p. 43—44, 57—60; *Bréhier L.* Notes sur l'histoire de l'enseignement supérieur à Constantinople. — Byz., 1926—1927, III, p. 85—87.

⁷⁶ *Beck H.-G.* Kirche und Klerus..., S. 2—4; *Idem.* Kirche und Theologie im byzantinischen Reich. München, 1959.

ховенства. Поэтому именно в этот период возникают богословские высшие школы — в Александрии, Антиохии, Эфесе, Нисибии, которые иногда именовались богословскими академиями. Они были тесно связаны с православными патриархиями Востока. В богословских академиях наряду с изучением теологии большое внимание уделялось преподаванию светских наук. В этих академиях велись острые богословские дискуссии, тесно связанные с формированием христианской догматики, с христологическими спорами того времени. Иными словами, классическое образование в Византии все более и более подвергается воздействию христианства и становится ареной борьбы античных традиций и христианской идеологии⁷⁷. И представляется возможным выдвинуть тезис о том, что в течение всего ранневизантийского периода оплотом классической образованности являлись крупные города Византии. Первоначально церковное образование концентрировалось в монастырях, находившихся вне стен больших городов. Об этом с полной определенностью рассказывает Иоанн Эфесский, который много путешествовал по монастырям Востока, расположенным в труднодоступных горах и пустынях⁷⁸. Лишь постепенно монастыри появились на окраинах крупных городов и в пригородах самого Константинополя.

Из воспоминаний Иоанна Эфесского мы узнаем, что его детство и юность прошли в монофиситском монастыре близ Амиды, где он рос, воспитывался и получил образование по канонам монастырского обучения. В монастыре Иоанн изучал прежде всего Священное писание и богослужебные книги. Образ мышления и манера изложения, проявившиеся позднее в его сочинениях, полностью исключают какое-либо влияние на него классического образования и риторской школы. Во время гонений Юстиниана против монофиситов он скитался по монастырям Востока вместе с «Амидской тысячей» беглых монахов, прячась в пустынях и горах, испив полной чашей горечь изгнания и испытав на себе жестокость гонителей. Однако тяга к знаниям, интерес к постижению мира и людей заставили Иоанна всю молодость провести в далеких путешествиях — он побывал в Сирии, Палестине, Египте, затем в Малой Азии и Греции, неоднократно посещал Константинополь. Учился он у многих философов и проповедников. Такая необычная подвижность — характерная черта многих религиозных деятелей эпохи, особенно еретиков, всюду проповедовавших свое учение.

Вероятно, в течение своей жизни Иоанн, осознав узость монастырской учености и недостаточность полученных знаний, много занимался самообразованием и посещал в городах частные библиотеки. Так, известно, что в Александрии он познакомился с прекрасной библиотекой известной меценатки Кесарии патрикии, а в Константинополе позднее разбирал книжное наследие сирийского ученого Симеона Бетаршамского⁷⁹.

Библиотеки и скриптории в то время концентрировались почти исключительно в крупных городах, они принадлежали как муниципальным властям городов, так и частным лицам. Лишь медленно и постепенно церкви и монастыри стали собирать библиотеки, где хранились рукописи религиозного содержания и богослужебная литература. Подобную библиотеку собрал и Иоанн Эфесский в бытность свою настоятелем монофиситского монастыря Сирийцев в предместье Константинополя Сикке⁸⁰. Вместе

⁷⁷ О церковных школах см.: Дьяконов А. П. Типы высшей богословской школы в древней церкви III—IV вв. СПб., 1913; Vogel K. Byzantine Science, p. 264, 300; Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner, Bd. II, S. 226, 231; Downey G. The Christian Schools of Palestine: A Chapter in Literary History. — Harvard Library Bulletin, 1958, vol. XII, N 3, p. 299—319.

⁷⁸ Johan. Ephes. Hist. eccl., III, 34; Дьяконов А. П. Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды. СПб., 1908, с. 7—32, 43—58; Beck H.-G. Das byzantinische Jahrtausend, S. 207—231.

⁷⁹ Дьяконов А. П. Иоанн Эфесский. . . , с. 43; Friend W. H. C. The Rise of the Monophysite Movement. Cambridge, 1972.

⁸⁰ Johan. Ephes. Hist. eccl., II, 3—4.

с тем сам Иоанн Эфесский, став гонителем язычников, по приказу Юстиниана беспощадно жег и уничтожал произведения искусства и «языческие» книги древних авторов⁸¹.

Все это говорит о необычайно ожесточенной борьбе языческой и христианской идеологии и культуры, ареной которой, как правило, были крупные города Византийской империи. Однако именно здесь античная культура имела еще прочную базу и своих горячих поклонников. В общественной и культурной жизни Византии той эпохи чрезвычайно высоко ценилось ораторское искусство, корнями восходившее к античной риторике. В городских центрах империи, в частности там, где имелись высшие школы, особенным почетом были окружены риторы и схоластики, преподаватели грамматики.

Византийская риторика той эпохи, игравшая роль современной публицистики (речи и проповеди для народа), также являлась ареной острых идейных и религиозных битв. В Константинополе при императорском дворе процветал жанр похвальных речей и панегириков в честь василевсов, их семей, по случаю торжественных праздников или побед над врагами. Даже при христианских правоверных императорах эти речи были облечены в античные одежды: риторы изощрялись в классическом ораторском искусстве, их энкомии (похвальные слова) блистали метафорами и образами языческой мифологии и литературы⁸². Языческие риторы Фемистий, Гимерий, Ливаний потрясали слушателей отточенностью классического стиля, необычайной эрудицией, знанием всех тайн ораторского искусства. Самым талантливым из них, бесспорно, был антиохийский ритор Ливаний (IV в.), в блистательных речах которого как бы воскресает красочная и напряженная жизнь столицы Востока — Антиохии. Идеолог муниципальной знати, приверженец языческой религии предков, Ливаний грустит по уходящему милому его сердцу прошлому римского государства. Он сознает, и говорит об этом в своих речах и письмах, что любимые его кумиры будут скоро окончательно повержены и победа достанется новой, христианской монархии и православной церкви⁸³. Другой талантливый ритор и выдающийся мыслитель — Синесий Киренский (V в.) своей жизнью подтвердил правильность пессимистических предсказаний Ливания. Воспитанный в традициях античной культуры, Синесий на склоне лет, однако, разочаровался в языческой религии, перешел в христианство и стал епископом Птолемаиды в Северной Африке⁸⁴.

Открытую и непримиримую борьбу с язычеством и античной культурой вели в ту эпоху христианские церковные проповедники. Среди них блистал ораторским талантом, неукротимым темпераментом и поразительной силой воздействия на народные массы Иоанн Златоуст, неумолимо обличавший пороки языческой знати и растленность языческой морали и этики⁸⁵.

⁸¹ Ibid., III, 29.

⁸² Hunger H. The Classical Tradition in Byzantine Literature: the Importance of Rhetoric. — In: Byzantium and the Classical Tradition. Birmingham, 1981, p. 35—47; Idem. On the Imitation (mimesis) of Antiquity in Byzantine Literature. — DOP, 1969/70, N 23/24; Византийская литература. М., 1974; Фрайберг Л. А. Античное литературное наследие в византийскую эпоху. — В кн.: Античность и Византия. М., 1975, с. 5—31.

⁸³ Petit P. Les étudiants de Libanius. Un professeur de faculté et ses élèves au Bas-Empire. P., 1957; Idem. Libanius et la vie municipale à l'Antioche au IVe siècle après J.-C. P., 1956; Norman A. F. Libanius Autobiography: Text, Traduction Commentary. Oxford, 1965; Beck H.-G. Das byzantinische Jahrtausend, S. 152—162, 243—244.

⁸⁴ Левченко М. В. Синесий в Константинополе и его речь «О царстве». — Учен. зап. ЛГУ, № 130, вып. 18; Синезий Киренский. О царстве/Пер. и предисл. М. В. Левченко. — ВВ, 1953, VI, с. 327—357; Valdenberg V. La philosophie byzantine aux IV—V sc. — Byz., 1929, IV, p. 239 sq.; Lacombrade C. Sinésios de Cyrène. hellène et chrétien. P., 1951.

⁸⁵ Курбагов Г. Л. Классовая сущность учения Иоанна Златоуста. — Ежегодник Музея истории религии и атеизма, 1958, II, с. 30—106; Verosta St. Johannes. Chrysostomus, Staatsphilosoph und Geschichtstheologe. Graz; Wien; Köln, 1960.

Мне уже приходилось останавливаться на острой идейной борьбе, происходившей в этот период в сфере философско-религиозной мысли, богословия, в церковной и светской историографии⁸⁶. Аналогичные процессы в византийской литературе подробно освещены С. С. Аверинцевым⁸⁷.

Интенсивно развивается в первые столетия существования Византийской империи и политическая мысль. Такая типологическая особенность общественного строя Византии, как сохранение централизованного государства, определила характер развития политической мысли и политических теорий в империи. Политическая теория Византии той эпохи представляет собой целостную концепцию, сложившуюся в неразрывной связи с социально-политическими отношениями в империи, с традициями общественной жизни вошедших в ее состав областей. Оригинальностью этой концепции, ее специфика определяются синтезом трех основных компонентов — греко-эллинистических традиций, концепций римской государственности и принципов христианства⁸⁸.

В ранней Византии постепенно кристаллизуется одна из фундаментальных идей средневековой идеологии — идея союза церкви и христианской империи» (*Imperium Christianum*). Необходимым условием этого союза для теоретиков христианства была правоверность христианской церкви, правоверие императора. Со времени Константина христианская концепция императорской власти постепенно сливается с римской государственной теорией. Именно в ранней Византии были заложены теоретические основы господствовавшей долгое время в империи политической теории симфонии, гармоничных отношений между православной церковью и христианским императором. С Византийской империей теперь связывается идея ее христианской, провиденциальной избранности. Культ императора — правителя всей православной ойкумены и культ державы ромеев — защитницы и покровительницы христианских народов, проповедь исключительности византийской государственности, родившись еще в ранней Византии, достигнут своего апогея в последующие века.

Развитие политической мысли нашло отражение в трудах философов, писателей, историков (светских и церковных), поэтов, в речах риторов и письмах современников⁸⁹. И неудивительно, что центром создания этих политических теорий стали Константинополь и императорский двор, щедро осыпавший милостями угождавших правителям писателей, поэтов и ораторов.

Значительные перемены происходили в ранней Византии и во всей художественной культуре византийского общества. Именно в это время определились ее основные типологические особенности. Византийскую культуру отличало от культуры стран Западной Европы наличие в ней элементов восточных цивилизаций. Как по своему географическому, этническому и экономическому положению Византия была как бы «золотым мостом» между Востоком и Западом, так и в культурном развитии Европы она была связующим звеном между западной и восточной культурами. Греческая, вернее, греко-римская, в своей основе византийская культура и искусство в процессе своего становления и развития значительно обогатились элементами культуры народов Востока, что придало им тот неповторимый колорит, который так отличает их от культуры Западной Европы. Поэтому первой особенностью византийской культуры является синтез западных и восточных элементов в различных сферах

⁸⁶ Удальцова З. В. Основные направления развития византийской культуры. — ВДИ, 1979, № 1, с. 3—14.

⁸⁷ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.

⁸⁸ Beck H.-G. Das byzantinische Jahrtausend. . . , S. 33—86; ср.: Arweiler H. L'Empire byzantin. — In: Le concept d'empire / Ed. M. Duverger. P., 1980, p. 131—149.

⁸⁹ Arweiler H. L'idéologie politique de l'Empire byzantine. P., 1975; Удальцова З. В. Византия и Западная Европа, — ВО. М., 1977, с. 46—52; Она же. Историко-философские воззрения светских авторов ранней Византии, с. 3—22.

материальной и духовной жизни общества⁹⁰. Однако в этом синтезе первенствующую роль играли греко-римские традиции, постепенно победившие и поглотившие все другие влияния. Окончательной победе именно греко-римской культуры над многообразными, в том числе и сильными восточными, влияниями способствовало сохранение в Византии в значительных масштабах античного культурного наследия. Для византийской культуры проблема культурного наследия, в частности наследия античности, как известно, играет первостепенную роль. Сила традиций, стереотипов в византийской культуре и искусстве была очень велика, хотя и менялась в различные периоды византийской истории.

В настоящее время подавляющее большинство византистов признают роль античных традиций в течение всего существования империи, однако вопрос о степени, масштабах, характере использования в Византии культурного наследия античности вызывает в науке немалые разногласия. Эти споры, естественно, теснейшим образом связаны с общей дискуссией о континуитете и дисконтинуитете в общественных отношениях, в частности в городах Византии. Одни ученые отстаивают теорию континуитета античных традиций в культуре империи. Другие подходят к этой проблеме с большей осторожностью⁹¹. Думается, не следует, однако, как преувеличивать, так и преуменьшать масштабы сохранения античного наследия в Византии. Степень устойчивости элементов античности в различных сферах культурной жизни, разумеется, была далеко не одинаковой. И почти всюду рождались новые идеи, новые философско-богословские, политические, этические и эстетические воззрения. Не континуитет, а постоянная идейная борьба старого с новым — вот доминанта как общественных отношений, так и культурного развития Европы в целом и Византии в частности⁹². Вместе с тем в отличие от Западной Европы, почти целиком утратившей в раннее средневековье сокровища античной культуры, в Византии традиции греко-римской цивилизации никогда не умирали, а упадок образованности, науки, культуры и искусства ощущался в значительно меньшей степени, чем на Западе. Поэтому вторым важным типологическим отличием византийской культуры в целом является сохранение в Византии в значительных масштабах культурных традиций античности⁹³.

Для темы данной статьи особенно важно, что именно крупные городские центры, в том числе Константинополь, особенно в ранний период и затем еще долгое время оставались носителями и хранителями культур-

⁹⁰ Вклад культуры народов Востока в формирование и развитие византийской цивилизации по-разному оценивается в византиноведческой науке. Теория «восточных влияний» имеет как своих горячих адептов (Айналов Д. В. Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1900; *Vryonis Sp. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh Through the Fifteenth Century.* Berkeley; Los Angeles, 1971, p. 70, 85, 194; *Haussig H.-W. A History of Byzantine Civilization.* L., 1970, p. 168—174, 332—343), так и противников (Lemerle P. *Le premier humanisme byzantin.* P., 1971, p. 22—37). Ср.: Удальцова З. В. Из истории византийской культуры раннего средневековья. — В кн.: Европа в средние века: экономика, политика, культура. М., 1972, с. 260—276; *Она же.* Идеино-политическая борьба... с. 319—328; Бычков В. В. Византийская эстетика. М., 1977, с. 5 и след.; Античность и Византия. М., 1975; Алпаатов М. В. Проблемы изучения византийской живописи. — В кн.: Этюды по истории древнерусского искусства. М., 1967, с. 26—41.

⁹¹ *Waiss G. Antike und Byzanz. Die Kontinuität der Gesellschaftsstruktur.* — *Historische Zeitschrift*, 1977, 224, S. 529—560; Сюзюмов М. Я. Некоторые проблемы исторического развития Византии и Запада. — ВВ, 1973, 35, с. 3—18; Lemerle P. *Le premier humanisme byzantin*, p. 301—305; *Idem.* Byzance et les origines de notre civilisation. — In: *Venezia e l'Oriente fra tarde Medioevo e Rinascimento.* Venezia, 1966, p. 1—17.

⁹² Удальцова З. В. Некоторые нерешенные проблемы истории византийской культуры. — ВВ, 1980, 41, с. 46—47.

⁹³ Лазарев В. Н. История византийской живописи. М., 1977; *Она же.* Византийское и древнерусское искусство. М., 1978; Полевой В. М. Искусство Греции. Средние века. М., 1973; Бычков В. В. Византийская эстетика; Лихачева В. Д. Искусство Византии IV—XV вв. Л., 1981.

ного наследия античности⁹⁴. Именно в городах, как упоминалось выше, имелись библиотеки, где хранились памятники античной мудрости, скриптории, где переписывались не только Ветхий и Новый заветы и патристическая литература, но и Гомер, Овидий, Гораций, Геродот и Фукидид, Платон, Аристотель и неоплатоники. Античные традиции сохранились и в произведениях искусства. Хотя и на Западе в художественном ремесле держались античные навыки и приемы мастерства, но проявлялись они значительно слабее, чем в Византии. В искусстве Византия выступает в течение всех средних веков хранительницей эллинистических традиций. И не в одних лишь навыках мастерства, но и в образном строе художественных произведений⁹⁵.

Византийское искусство генетически восходило к эллинистическому и восточнохристианскому художественному творчеству. В ранний период в византийском искусстве как бы слились воедино рафинированная пластичность и трепетная чувственность позднеантичного импрессионизма с наивной, порой грубоватой экспрессивностью народного искусства Востока. Эллинизм долгое время оставался главным, хотя и не единственным источником, откуда византийские мастера черпали изящество форм, правильность пропорций, чарующую прозрачность колористической гаммы, техническое совершенство своих произведений. Но эллинизм, естественно, не мог в полной мере противостоять мощному потоку восточных влияний, нахлынувших в Византию в первые столетия ее существования. В это время ощущается значительное воздействие на византийское искусство египетских, сирийских, малоазийских, иранских художественных традиций.

В это время складываются основные принципы византийской эстетики, своими корнями уходящей в античность, но подвергшейся сильному воздействию христианства⁹⁶. Византийская эстетика развивалась на основе всей духовной культуры Византии, пронизывая и связывая воедино все ее ветви, эстетически окрашивая различные сферы духовной жизни общества. Она во многом опиралась на античные воззрения о сути прекрасного, однако синтезировала и переосмысливала их в духе христианской идеологии. Отличительной чертой византийской эстетики был ее глубокий спиритуализм. Она отдавала предпочтение духу перед телом. Вместе с тем она пыталась снять дуализм небесного и земного, божественного и человеческого, духа и плоти. Не отрицая телесной красоты, византийские мыслители красоту души, добродетель, нравственное совершенство ставили много выше. Основную эстетическую задачу художники отныне видят в том, чтобы воплотить в художественном образе трансцендентную идею. Это было закономерным следствием глубокого изменения всех общественных отношений, всей идеологии Византийской империи: сенсуалистическая эстетика античности не отвечала уже запросам господствующего класса и православной церкви Византии и была постепенно вытеснена спиритуалистическими идеалами средневековья. Эллинистический антропоморфизм отныне был наполнен совсем иным идейным содержанием: искусство прониклось философскими представлениями христианской религии, а эстетика византийских мастеров оказалась органически связана с религиозным мирозерцанием.

В VI—VII вв. византийские художники сумели преодолеть многообразные влияния Востока и античности и создать свой собственный стиль в искусстве. С этого времени Константинополь превращается в прослав-

⁹⁴ Wessel K. Die Kultur von Byzanz. Frankfurt am Main, 1970; Haussig H.-W. A History of Byzantine Civilization; Guillou A. La civilisation byzantine. P., 1974.

⁹⁵ Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. М., 1977, т. 1, с. 5.

⁹⁶ Бычков В. В. Византийская эстетика: *Он же*. Эстетические взгляды Климента Александрийского. — ВДИ, 1977, № 3; *Он же*. Античные традиции в эстетике раннего Августина. — В кн.: Традиция и история культуры. М., 1978; *Он же*. Corpus Aegeragiticum как один из философско-эстетических источников восточного христианского искусства. Тбилиси, 1977; Mathew G. Byzantine Aesthetics. L., 1963.

ленный художественный центр средневекового мира. За ним следуют Равенна, Рим, Никея, Фессалоника, также ставшие средоточием византийского художественного стиля.

Бурное строительство в городах ранней Византии послужило мощным стимулом расцвета архитектуры и искусства. Трактат «О постройках», написанный Прокопием, рисует поразительную по широте и многообразию картину строительной деятельности Юстипиана в городах Византии. В науке этот трактат, как и все труды Прокопия, неоднократно был предметом пристального изучения. Многие известия Прокопия подтверждаются археологическими открытиями.

В трактате Прокопий рассказывает, что Юстиниан построил по всей империи много новых городов и восстанавливал старые, обветшавшие или разрушенные врагами. Он постоянно заботился о благоустройстве городских центров, постройке в них храмов, общественных зданий, дворцов, о реставрации городских укреплений, о ремонте и строительстве дорог, каналов, мостов⁹⁷. Заслугой Юстиниана Прокопий считал церковное строительство, с описания которого он начинает свой трактат. Особенно интенсивно шло строительство церквей в Константинополе. Здесь при Юстиниане, кроме знаменитого храма св. Софии, были вновь возведены или реставрированы храмы Ирины, Петра и Павла, Сергея и Вакха, 12 апостолов и другие церкви⁹⁸. Храмы строились во многих других городах Византии. Среди них было немало истинных шедевров архитектурного искусства. В архитектуре той эпохи с особой силой ощущался реальный, полнокровный синтез эллинистических традиций и архитектурных новшеств Востока, Сирии, Палестины и Ирана.

Непревзойденным шедевром византийского зодчества стал построенный в 30-х годах VI в. храм св. Софии в Константинополе. Плод многогранного синтеза восточной и греко-римской культур, он воплотил с необычайной силой и оригинальностью все лучшее, что было создано в архитектуре Востока и Запада. «Никогда гений Рима и Востока не соединялся в более поразительном и гармоничном единстве»⁹⁹. Недаром историки той эпохи — Прокопий, Агафий, Евагрий — и поэт Павел Силенциарий писали о нем с глубочайшим удивлением и восторгом, в один голос называя его «чудом и славой» правления Юстиниана. Воздвигнутый на высоком холме, рядом с императорским дворцом и ипподромом, далеко видимый с моря и с суши, храм св. Софии стал не только символом могущества Византии, но и главной святыней христианского Востока. Два великих зодчих, оба выходцы из Малой Азии, Исидор из Милета и Анфимий из Тралл, сумели соединить в этом храме впечатляющую монументальность, чистоту и строгость линий, спокойную пластичность античной архитектуры с новейшими достижениями зодчества Востока — Ирана, Сирии и Малой Азии. Впервые в храме св. Софии была реально воплощена идея грандиозного центрального храма, увенчанного колоссальным куполом. Наконец сбылась мечта архитекторов Востока и Запада «перекрыть сферическим куполом огромное центрическое пространство»¹⁰⁰.

В трактате «О постройках» Прокопий не устает восхищаться красотой и величием храма и называет купол св. Софии «удивительным и вместе с тем приводящим в трепет творением»¹⁰¹. По словам Прокопия,

⁹⁷ *Procop. De aedif.*, I, 5, 2—13, 6, 1—4; II, 1—19; II, 7, 1—17; 8, 16—25.

⁹⁸ *Ibid.*, I, 2—4; *Downey G. Procopius De aedificiis*, I, 4, 1—8. — *Classical Philology*, 1948, 43, p. 44—45.

⁹⁹ Диль Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI в. СПб., 1908, с. 486; см.: Брунов Н. И. Очерки по истории архитектуры. М.; Л., 1935. Т. II; *Talbot-Rice D. The Beginnings of Christian Art*. L., 1957; *Volbach W. F., Hirmer M. Early Christian Art*. L., 1958; *Krautheimer R. Early Christian and Byzantine Architecture*. Harmondsworth, 1965; *Grabar A. Byzantine Art from Theodosius to Islam*. L., 1966; *Vecwith I. Early Christian and Byzantine Art*. Harmondsworth, 1970.

¹⁰⁰ Лухачева В. Д. Искусство Византии IV—XV вв., с. 50. Диаметр купола 31,5 м, высота 55 м.

¹⁰¹ *Procop. De aedif.*, I, 175.

зрителям казалось, что купол покоится не на каменных столбах, а спущен с высоты небес на золотой цепи¹⁰².

Оптический эффект парения в воздухе купола достигался еще и созданием в его подножии, в толще стен и ниш, 40 окон, из которых в храм струились потоки света. При Юстиниане весь купол был украшен мозаиками; на вершине купола был изображен огромный крест посреди усеянного звездами неба¹⁰³. Внутреннее убранство храма поражало торжественной пышностью и изысканным великолепием. Первоначально при Юстиниане, по сообщению современников, вся верхняя часть стен и пространства абсид были покрыты восхитительными мозаиками. Изображения святых на золотом или синем фоне были редки, преобладал орнамент с элегантными переплетениями причудливых цветов и зелени¹⁰⁴. Совершенно особую прелесть интерьеру св. Софии придавали мраморные колоннады, расположенные двумя ярусами вдоль центрального пространства церкви. Необычайное благородство колорита мраморов колонн, с преобладанием темно-зеленого, серого, темно-красного и черного цветов, гармоничность пропорций колоннад, тончайшее кружево резных капителей — все это создавало впечатление огромной художественной силы. Нижняя часть стен и полы храма были покрыты разноцветными мраморами. Проконий сравнивает их с многоцветным ковром или с цветником, устланным среди зелени пурпурными цветами и как бы созданным руками великого художника¹⁰⁵.

В центре храма находился амвон, блистающий золотом, драгоценными камнями, изысканными произведениями искусства. Павел Силенциарий в стихах описал сказочное великолепие амвона¹⁰⁶. Феерическое впечатление, по словам современников, производил храм св. Софии во время почных праздничных богослужений. Он сиял светом множества паникадил, лампад и канделябров. Павел Силенциарий в своем панегирике пишет: «Сияющая ночь, улыбающаяся, как день, получала краски розы»¹⁰⁷. Сияние храма в темноте южной ночи далеко было видно морякам, плывущим по Босфору и Золотому Рогу.

Трон патриарха из чистого золота находился в алтаре, императору была отведена особая ложа между центральным и южным нефами. Места для женщин были расположены на хорах, в центре их было место императрицы и придворных дам. По рассказу Евагрия, на перилах ложи Феодоры была высечена надпись: «Место благородной патриции нашей владычицы Феодоры»¹⁰⁸. Поэт Корипп называет св. Софию чудом из чудес, которое затмевает все великолепие храма Соломона и представляет точное изображение самого неба¹⁰⁹. Блеск разноцветных мраморов, мерцание золота мозаик и драгоценной утвари, сияние множества лампад, парение блистающего купола — все это действительно создавало иллюзию беспредельности пространства собора, превращало его в подобие космоса, символически приближало к образу вселенной¹¹⁰. В течение веков внутреннее убранство св. Софии менялось, создавались новые мозаики, пополнялась драгоценная утварь. И лишь после турецкого завоевания Константинополя многие замечательные произведения византийского искусства в св. Софии безвозвратно погибли, мозаики во время превращения

¹⁰² *Ibid.*, 177.

¹⁰³ *Paul. Silent.*, 491—492; ср. 286—288.

¹⁰⁴ Лазарев В. Н. История византийской живописи, с. 51, примеч., с. 285; Диль III. Юстиниан и византийская цивилизация в VI в., с. 491.

¹⁰⁵ *Procop. De aedif.*, I, 178—179; *Paul Silent.*, 618; *Browning R. Justinian and Theodora*. L., 1971, p. 117—128; Диль III. Юстиниан и византийская цивилизация в VI в., с. 476—504.

¹⁰⁶ *Paul. Silent.*, 231.

¹⁰⁷ *Ibid.*, 806—920.

¹⁰⁸ *Evagr. Hist. Eccles.*, IV, 34.

¹⁰⁹ *Flavius Cresconius Corippus*. In laudem Justinii Augusti minoris, IV, 283—290 / Ed. Av. Cameron. L., 1976, p. 81.

¹¹⁰ *Agath. Hist.*, V, 9; *Evagr. Hist. Eccles.*, IV, 31; *Procop. De aedif.*, I, 1.24—76.

храма в мечеть были закрыты побелкой, и лишь часть из них в наше время открывается учеными. В науке ведется немало споров о времени создания того или иного мозаичного ансамбля, даются различные оценки живописи св. Софии, но все исследователи признают, что именно здесь были заложены основы нового художественного стиля, которому суждено было стать господствующим во всей дальнейшей истории развития византийского искусства¹¹¹. Большой знаток византийской культуры эпохи Юстиниана III. Диль остроумно заметил: «Святая София — единственная в своем роде, обнаруживая наступление нового стиля, она в то же время является и его апогеем; она сразу и впервые выстроена в таких размерах, которых с тех пор на Востоке никогда не осмеливались перейти»¹¹². Тот же ученый, находясь под сильным обаянием этого великолепного храма, ставил его выше таких прославленных памятников средневековой культуры, как собор Парижской богородицы и храм св. Петра в Риме (последнему, по его мнению, недостает оригинальности)¹¹³. В данной статье нет надобности сравнивать эти великие произведения человеческого гения, каждое из них прекрасно по-своему, но бесспорно одно: храм св. Софии занимает почетное место среди художественных памятников всех времен и народов (рис. 1).

В ранней Византии создаются и другие шедевры византийского зодчества — храм св. апостолов в Константинополе, церковь Сан-Витале в Равенне, храм св. Димитрия в Салониках и т. д. Особенно поражает изысканностью архитектурных форм, плавностью и чистотой линий, исключительной красотой колористической гаммы мозаик, элегантностью всего декора храм Сан-Витале в Равенне¹¹⁴.

В живописи VI—VII вв. кристаллизуется специфически византийский стиль, очищенный от инородных влияний. В основе его лежит опыт мастеров Запада и Востока, пришедших независимо друг от друга к созданию нового искусства, соответствующего спиритуалистическим идеалам средневекового общества. В этом искусстве уже намечаются отдельные направления и школы. В искусстве Константинополя той эпохи сохраняется преемственность классической культуры, благородство нерастраченных эллинистических традиций, преобразованное и трансформированное спиритуалистической одухотворенностью. Для столичной школы характерны великолепное качество исполнения, утонченный артистизм, живописность и красочное разнообразие, трепетность и переливчатость колористической гаммы¹¹⁵. Одним из самых совершенных творений столичных мастеров были мозаики в куполе церкви Успения в Никее. Нежные, полные чувственной прелести и вместе с тем душевной чистоты лица ангелов, изображенных на этих мозаиках, созданы под явным влиянием позднеантичного искусства. Вместе с тем это был опыт перевоплощения античной телесной красоты в спиритуалистический образ, который должен был воплотить византийскую художественную мечту об одухотворении чувственной плоти¹¹⁶.

Другие направления в искусстве ранней Византии, воплотившиеся в мозаиках Равенны, Синая, Фессалоники, Кипра, Паренцо, знаменуют

¹¹¹ Лазарев В. Н. История византийской живописи, с. 51—52; *Guillou A. La civilisation byzantine*, p. 374—375; *Browning R. Justinian and Theodora*, p. 117—128.

¹¹² Диль III. Юстиниан и византийская цивилизация в VI в., с. 480.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ *Simson O. S. von. Sacred Fortress. Byzantine Art and Statecraft in Ravenna*. Chicago, 1948; *Deichmann W. Frühchristliche Bauten und Mosaiken in Ravenna*. Baden-Baden, 1958; *Mango C. Architettura bizantina*. Milano, 1978; *Weitzmann K. Age of Spirituality. Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century*. N. Y., 1979.

¹¹⁵ Лазарев В. Н. История византийской живописи, с. 11—62; *Лихачева В. Д. Искусство Византии IV—XV вв.*, с. 12—86; *История Византии*, т. 1. с. 435—467; *Grabar A. La peinture byzantine*. Genève, 1953.

¹¹⁶ Лазарев В. Н. История византийской живописи, с. 52—54. В. Н. Лазарев датирует этот памятник VII в. Иную датировку дает В. Д. Лихачева, которая относит никейские мозаики ко второй половине IX в. (*Лихачева В. Д. Искусство Византии IV—XV вв.*, с. 112—113).

отказ византийских мастеров от античных реминисценций. Образы становятся более аскетическими, не только чувственному, но и эмоциональному моменту в таком искусстве уже нет места, зато духовность достигает необычайной силы. Византийское искусство в дальнейшем все более приобретает вневременной и внепространственный характер, абстрактный золотой фон, столь любимый византийскими мастерами, заменяет реальное трехмерное пространство, выполняя важную эстетическую функцию: он призван как бы отгородить отвлеченное изображение того или иного явления от живой действительности окружающего мира. Торжественный монументализм все чаще соединяется с усложненной символикой. Победа обобщенно-спиритуалистического принципа в эстетике приводит к расширению многообразия реального мира в символах, художник стремится освободиться от излишних докучливых деталей, не раскрывающих, по его мнению, основной идеи произведения. Отвлеченные архитектурные ансамбли, фантастические пейзажи фона делаются все более абстрактными и зачастую заменяются золотыми или пурпурными плоскостями. В живописи и архитектуре начинает господствовать строгая, рассудочная симметрия, спокойная, торжественная уравновешенность линий и движений человеческих фигур на фресках и мозаиках храмов. В искусстве господствует пышная декоративность. Творчество художников приобретает отныне безликий характер, оно сковано традицией и церковным авторитетом, а порывы индивидуальных творческих исканий мастера все больше подчиняются нивелирующему действию канона¹¹⁷.

В Византии при всевозрастающем влиянии христианства все же никогда не затухало светское художественное творчество. Необычайный расцвет Константинополя — этого «палладиума искусств и наук», превосходившего до XIII в. своим богатством и блеском своей цивилизации современные ему Лондон, Париж и Рим, способствовал сохранению светской культуры. Культ империи и императора давал импульсы как развитию светской придворной столичной культуры, так и сближению светской и церковной идеологий. В Византии всегда жила полнокровной жизнью светская культура и образованность, связанная, с одной стороны, с византийской аристократией и светской интеллигенцией, концентрировавшейся долгое время в городах, но с другой — черпавшая могучие импульсы из городской культуры средних слоев и трудового населения крупнейших городских центров. Памятников светского искусства Византии сохранилось, к сожалению, не так уж много. Ведь при нашествии внешних врагов именно дворцы императоров и богатые дома знати в первую очередь подвергались разрушению и разграблению, многое погибло в пламени пожаров¹¹⁸. Но и то, что дошло до наших дней и о чем рассказывают письменные источники, достойно восхищения.

Константинопольские дворцы, судя по литературным источникам, отличались совершенством архитектурных форм, были щедро декорированы фресковыми росписями, мозаиками, скульптурой, первоклассными произведениями прикладного искусства. На стенах императорского дворца в Константинополе были изображены репрезентативные сцены побед василевсов над варварскими народами. Прокопий в трактате «О постройках» утверждал, что памятником Юстиниану, который будет жить в веках, станут великолепные дворцы и общественные здания Константинополя, их строительство должно было показывать всему миру блеск и величие Византийской империи и красоту ее столицы¹¹⁹. Особым великолепием, по словам Прокопия, отличалась Халка — парадный вход в императорский дворец. Крыша этого здания была покрыта позолоченной медью, отсюда и произошло его название. Халка была украшена чудесными мозаиками,

¹¹⁷ Лазарев В. Н. История византийской живописи, с. 50 и след.; Удальцова З. В. Своеобразие общественного развития Византийской империи. Место Византии во всемирной истории. — В кн.: История Византии, т. 3, с. 333 и след.

¹¹⁸ Schneider A. M. Brände in Konstantinopel. — BZ, 1941. 41, S. 382—403.

¹¹⁹ Procop. De aedif., I, 10, 2—10.

изображавшими триумф Юстиниана над вандалами и готами. В центре картины находились во всем блеске парадных одежд Юстиниан и Феодора, перед ними стояли полководец Велисарий и его воины-победители: они сложили к ногам императора невиданную добычу и привели пленников — вандальского и готского королей. Прокопий рассказывает, что художник изобразил на лицах Юстиниана, Феодоры и окружавших их сенаторов огромную радость по поводу великой победы¹²⁰. К сожалению, эти замечательные произведения византийских мозаичистов не сохранились до наших дней.

Из архитектурных памятников светского искусства достойны упоминания первоклассные сооружения, воздвигнутые Юстинианом для снабжения Константинополя водой. Подлинным шедевром инженерного и строительного искусства являются подземные цистерны, первое место среди которых по праву принадлежит огромной цистерне, расположенной близ императорского дворца и храма св. Софии. Построенная в 528 г., эта цистерна, сохранившаяся до наших дней, представляла собой своего рода подземный дворец, украшенный множеством стройных колонн, высота которых достигала 12,4 м. Каждые 14 колонн были объединены в пучки, над которыми возвышались небольшие купола. Турки, пораженные невиданным сооружением, прозвали его «Цистерна тысяча и одна колонна», или «Еребатан сарай»¹²¹ (рис. 2).

Шедевром светской живописи раннего периода были мозаики полов Большого дворца в Константинополе¹²². С поразительной реалистической полнокровной чувственностью, заимствованной из позднеантичного искусства, на них были изображены буколические сцены сельской жизни и труда, борьба диких зверей, сцены охоты. Открытые английским ученым Д. Тальбот-Райсом, они в настоящее время реставрированы и хранятся в особом музее в Константинополе. Перед зрителем проходит панорама живых, порой наивных образов, созданных с поражающей художественной правдивостью неизвестными византийскими мозаичистами. Вот маска грозного морского царя, но он совсем не грозный, а скорее добродушный и мудрый, вот множество разных зверей — слон борется со львом, пантера напала на лань, медведи лакомятся какими-то плодами, орел терзает змею, а неподалеку изображены мирные сцены сельской жизни: крестьянин доит козу, рыбак удит рыбу, двое крестьян заняты сельскохозяйственными работами, рядом изображена мельница, музыкант играет на музыкальном инструменте, у его ног спит собака, а справа пасутся две лошади с жеребенком. А вот необычайно выразительная сценка: мальчик в простой одежде, с милым лицом с корзиной в руках собирается в путь на ослике, который недоволен от него отвернулся (рис. 3), рядом щиплет траву овца. Прекрасна яркой, чувственной красотой девушка с кувшином (рис. 5), совершенно очаровательны веселые ребятишки, едущие на верблюде (рис. 4), элегантна цапля в рамке причудливой зелени¹²³.

Роскошными дворцами и шедеврами светского искусства славились Антиохия, Александрия, Афины и другие города империи. Бросается в глаза сюжетное и стилистическое сходство мозаик Большого императорского дворца в Константинополе и мозаик полов общественных зданий и богатых villae Антиохии (IV—V вв.). Здесь мы также встречаем изображения животных (бык, конь, слон, бегущая лань и др.), пасторальные сцены, изображение охоты на кабана и льва, привала охотников и др. Особенно выделяются мозаики «охотников» из Якто (Антиохия, V в.) с совершенно античными изображениями человеческих фигур. В мозаи-

¹²⁰ Ibid., I, 10, 11—20.

¹²¹ Лихачева В. Д. Искусство Византии IV—XV вв., с. 43; *Browning R. Justinian and Theodora*, p. 175.

¹²² *The Great Palace of the Byzantine Emperors. Second Report* / Ed. by D. Talbot-Rice. Edinburgh, 1958, p. 121—160.

¹²³ Ibid., p. 130—131.

как Большого дворца и Антиохии совершенно явственно просматриваются античные традиции. Так, женская фигура — «Мегалопсихия», олицетворение «величия души», из центрального медальона мозаик Якто, близ предместья Антиохии Дафни, по своим стилистическим особенностям восходит к позднеантичному портрету. Прекрасная, пышно одетая женщина с выразительным лицом, огромными глазами и красиво заплетенными волосами напоминает фаяумские портреты¹²⁴.

Наиболее знаменитыми произведениями светской живописи являются изображения торжественной процессии Юстиниана и Феодоры в окружении вельмож и знатных дам в базилике Сан-Витале в Равенне (середина VI в.). Об этих равеннских мозаиках написано искусствоведами немало интересного, детально изучены их стилистические особенности, проведена большая работа по идентификации изображенных на них персонажей¹²⁵. Но историк, глядя на них, прежде всего хочет проникнуть во внутренний мир людей, так пристально глядящих на нас с этих мозаик. И прежде всего главных действующих лиц исторической драмы той эпохи — Юстиниана и Феодоры. Сравнение равеннского портрета Юстиниана с описанием императора в литературных памятниках, в частности у Прокопия, дает весьма впечатляющий результат. По словам Прокопия, хорошо знавшего Юстиниана, император был среднего роста, полный, с круглым красивым белым лицом, с большими темными пронизательными глазами. Юстиниан был любезен в обращении, способен на порывы великодушия. По мнению Прокопия, однако, это была только маска, скрывавшая душу жестокою, исполненную беспредельного честолюбия и коварства¹²⁶. На мозаиках Сан-Витале мы видим именно такого Юстиниана. Он в расцвете лет, красив, особую красоту лицу придают правильность черт, большие темные глаза и своеобразный изгиб темных густых бровей. Выражение лица приветливое, Юстиниан — победитель, он доволен собой и ласков с приближенными, взгляд его умный, пронизательный, поза полна спокойного величия (рис. 6). Никаких следов того, другого, злобного и лживого, правителя обнаружить здесь невозможно. Разумеется, художник польстил императору и постарался скрыть его отрицательные черты. Этого не скажешь в отношении других участников процессии. На лицах епископа Максимиана и приближенных василевса, изображенных без прикрас, более ярко выступают глубинные черты характера. Особенно показателен в этом отношении епископ Максимиан: в его некрасивом старом лице со множеством морщин отражен напряженный внутренний мир, большие светлые глаза полны затаенной скорби (рис. 7).

Важным дополнением к воссозданию внешнего облика Юстиниана является его скульптурный портрет, хранящийся в Венеции, во внешней галерее собора св. Марка. Голова императора высечена из порфира и дышит мощью; Юстиниан предстает еще молодым, в богатом головном уборе, украшенном драгоценными камнями. Портретное сходство и здесь неоспоримо: то же круглое лицо, большие глаза, густые, оригинально очерченные брови; более явственно, чем на равеннской мозаике, пожалуй, только изображен красивый чувственный рот с полными губами. Однако чувства, владеющие здесь императором, уже иные, чем на мозаиках в Сан-Витале. Здесь нет и тени самодовольства, любезности, торжества победителя. В скульптуре изображен человек властный, хотя и не жестокий, исполненный энергии и сознания своей силы¹²⁷ (рис. 8).

Третий портрет Юстиниана, опять мозаичный, находится в церкви Сант-Аполлинаре Нуово в Равенне. Судьба его тесно связана с историческими событиями той эпохи. Первоначально здесь был изображен ост-

¹²⁴ *Липшиц Е. С.* Византийское искусство в IV—VII вв. — В кн.: История Византии, т. 1, с. 455.

¹²⁵ *Лазарев В. Н.* История византийской живописи, с. 58—59; *Лузачева В. Д.* Искусство Византии IV—XV вв., с. 53—63.

¹²⁶ *Procop.* H. a., XIII, 1—3.

¹²⁷ *Wessel K.* Die Kultur von Byzanz. Frankfurt a. M., 1970, S. 80; *Browning R.* Justinian and Theodora, p. 69.

готский король Теодорих, но после византийского завоевания Италии он был заменен портретом Юстиниана. Перед нами парадное изображение императора — в короне, пурпурной мантии, со всеми императорскими регалиями. Голова Юстиниана окружена нимбом. Юстиниан здесь несколько старше, чем на предшествовавших портретах, из-под короны видны уже седеющие волосы, но лицо полное, моложавое, с такими же красивыми чертами, большими глазами, характерными бровями, чувственным ртом, мягким подбородком. Выражение лица радостное, на губах играет улыбка, император преисполнен торжеством победы¹²⁸ (рис. 9).

Для историка не менее интересны и изображения Феодоры. Их довольно много, но не все они достоверны. На равеннских мозаиках Сан-Витале Феодора предстает гордой владычицей, облеченной в царские одежды; голову ее, окруженную нимбом, увенчивает корона, усыпанная драгоценными камнями, с нее на грудь императрицы спускаются жемчужные подвески, вокруг шеи и на плечах блистают редкой красоты ожерелья, пурпурная мантия внизу по подолу украшена вышитыми золотом изображениями, в руках Феодора держит потир с золотыми монетами — это ее дар храму. Но особенно поражает лицо Феодоры. В отличие от веселого, торжествующего победу супруга лицо императрицы усталое, грустное, почти скорбное. Она еще прекрасна, но молодость уже уходит. Липо продолговатое, худое, черты его правильные, шея длинная, глаза огромные под тонкими темными бровями. Весь ее облик — это облик женщины, познавшей все бездны жизни и застывшей в своем утомленном величии¹²⁹ (рис. 10).

Еще более удивителен мраморный портрет Феодоры, хранящийся в музее Каstellо Сфорческо в Милане. На голове Феодоры высокий головной убор, усыпанный драгоценными камнями, ее лицо, еще молодое, необычно красиво. Продолговатый чистый овал, огромные бездонные глаза под тяжелыми веками, тонкие дуги бровей и полные чувственные губы делают это лицо необычайно привлекательным и исполненным могучей женской притягательной силы¹³⁰ (рис. 11). Глядя на этот мраморный портрет Феодоры, понимаешь всю неотразимость ее женского обаяния, описанную Прокопием. Феодора, по словам Прокопия, была небольшого роста, прекрасно сложена и изящна, с изумительно красивым продолговатым матовым лицом, остроумна, весела, злоречива и умна¹³¹. Поразительное совпадение словесного портрета Прокопия, много раз видевшего Феодору в разные периоды ее жизни, и художественных изображений императрицы говорит о высоких достоинствах светского искусства Византии VI в. Изображение хотя и увядающей, но все же красавицы Феодоры на мозаиках Сан-Витале особенно контрастирует с обликом стоящей с ней рядом ее фаворитки и наперстницы, жены Велисария Антонины. Небольшое хитрое некрасивое личико, которое украшают лишь умные глаза, выдает характер коварный и властолюбивый. Антонина предстает перед нами женщиной умной и решительной, но погрязшей в темных пороках (рис. 12). Этот портрет также совпадает с характеристикой Антонины у Прокопия.

Третий портрет Феодоры, к сожалению, не вполне достоверен. Это очаровательная скульптурная головка неизвестной красавицы, в короне, с юным, мягко округленным лицом и огромными глазами. По поводу этого портрета в науке ведутся споры. Некоторые исследователи считают, что это портрет Евфимии, жены императора Юстина I (518—527), по происхождению варварки. Скульптура была найдена близ Ниша и ныне хранится в Национальном музее этого города¹³². Но есть исследователи, ко-

¹²⁸ *Browning R. Justinian and Theodora*, p. 176—177.

¹²⁹ *Лузачева В. Д. Искусство Византии IV—XV вв.*, с. 57—59; *Browning R. Justinian and Theodora*, p. 164—165.

¹³⁰ *Wessel K. Die Kultur von Byzanz*, S. 92—93; *Browning R. Justinian and Theodora*, p. 60—61.

¹³¹ *Procop. H. a.*, IX, 26.

¹³² *Wessel. K. Die Kultur von Byzanz*. S. 91.

торые принимают гипотезу о том, что на портрете изображена сама императрица Феодора в молодости¹³³. Если последняя гипотеза верна, то портретная галерея Феодоры пополняется еще одним изображением юной красавицы, исполненной неотразимой прелести (рис. 13).

Под резцом неизвестного скульптора иной предстает другая, не менее прославленная красавица той эпохи — остготская королева Амаласунта, дочь правителя Италии Теодориха. По единодушному мнению современников, Амаласунта сочетала необычайную красоту и пленительную женственность с умом, энергией и решительностью зрелого мужа¹³⁴. Мраморная голова Амаласунты отличается от словесного портрета Прокопия. Здесь изящна уже немолодая, полнеющая женщина лишь со следами былой красоты. Красивы, пожалуй, только глаза и круглые дуги бровей, слишком маленький рот и двойной подбородок явно нарушают общую гармонию лица¹³⁵ (рис. 14).

От ранней Византии сохранилось немало и других произведений светской портретной скульптуры, среди которых имеются подлинные шедевры. Прежде всего это целая галерея императоров — от Константина до Ираклия. Открывает ее колоссальная мраморная голова императора Константина, ныне хранящаяся в Риме, во дворе Палаццо деи Консерватори. некогда она принадлежала статуе сидящего императора, находившейся в базилике Максенция в Риме. Перед нами волевое, суровое, даже жестокое лицо с огромными холодными глазами и тонкими губами, оно олицетворяет мощь и величие владыки империи, непреклонность и силу полководца-победителя¹³⁶ (рис. 15). За Константином следует Аркадий (395—408), его облик резко контрастирует с изображением Константина. Аркадий предстает совсем юным, с красивым открытым лицом, черты его правильны, чистый овал, прекрасные глаза под дугобразными бровями, полные, красивого рисунка губы — все составляет гармонию юности, надежд, соединенных с сознанием своей власти¹³⁷ (рис. 16). Рядом с ним — портрет императора Феодосия II (408—450). Это человек средних лет, с худым усталым лицом, на котором отпечатались годы трудов и забот, оно исполнено спокойной силы и мудрости¹³⁸ (рис. 17). Далее следует колоссальная бронзовая статуя императора Маркиана (450—457) из Барлетто (Южная Италия). Любопытна судьба этого колосса. Он был вывезен из Константинополя крестоносцами после разгрома столицы империи в 1204 г.; корабль, на котором его везли, плыл в Неаполь и затонул у берегов Барлетто, где его позднее подняли со дна моря. В научной литературе существуют различные идентификации этой статуи: одни исследователи полагают, что она изображает императора Маркиана, другие — Ираклия (610—641). В. Д. Лихачева склоняется к первой версии, и я разделяю ее мнение. Она пишет: «Грозно поднятая голова, резкие морщины на лице, сдвинутые брови, расширенные ноздри — неперменные признаки официального портрета времени Феодосия и его ближайших последователей. . .»¹³⁹ (рис. 18).

Для воссоздания живых характеров придворной знати, окружавшей византийских василевсов, огромный интерес представляют скульптурные портреты высших чиновников империи: портрет старого чиновника с умным лицом интеллигента, умудренного большим и нелегким жизненным опытом (Стамбул, Археологический музей, V в.) (рис. 19)¹⁴⁰, портреты хитрого и жестокого временщика Евтропия (V в.) (рис. 20) и энергич-

¹³³ *Browning R. Justinian and Theodora*, p. 66—67.

¹³⁴ *Procop. H. a.*, XVI, 1.

¹³⁵ *Browning R. Justinian and Theodora*, p. 142.

¹³⁶ *Wessel K. Die Kultur von Byzanz*, S. 21.

¹³⁷ *Ibid.*, S. 73.

¹³⁸ *Ibid.*

¹³⁹ *Лихачева В. Д. Искусство Византии IV—XV вв.*, с. 26; *Wessel K. Die Kultur von Byzanz*, S. 74.

¹⁴⁰ *Wessel K. Die Kultur von Byzanz*, S. 101.

ного, волевого пожилого чиновника (VI в.) (оба хранятся в Вене, в Kunsthistorisches Museum) ¹⁴¹.

Для характеристики идейной и культурной жизни Византии весьма показательно воплощение в художественном творчестве, в частности в пластике, впечатляющих образов представителей светской интеллигенции той эпохи. Первое место среди них по праву принадлежит мраморному бюсту философа с длинными волосами и курчавой бородой (V в.). Поразительное сочетание духовной и телесной красоты, мудрой сосредоточенности и вместе с тем радостной открытости миру — как бы знамение эпохи расцвета философской мысли (Афины, Музей Акрополя) ¹⁴² (рис. 21). Живое свидетельство почетного места, которое занимали в культурной жизни общества поэты, — диптих 530—550 гг. из сокровищницы собора в Монце с изображением сидящего в задумчивой позе поэта в античной одежде и со свитком в руках. Рядом с ним стоит величественная женщина в античной тоге, играющая на цитре. Это муза, вдохновительница поэта. Обе фигуры вписаны в интерьер богатого дома; поэт уже не молод, его голова полысела, а борода поредела, но взгляд небольших глаз пытливый и пронизательный. Бросается в глаза странное сочетание могучего торса, плеч и шеи с утонченной красотой пластичных кистей рук с удлинненными пальцами ¹⁴³ (рис. 22).

Для характеристики театральных зрелищ в Византии необычайно интересно изображение актрисы с тремя масками в одной руке и лирой в другой (VI в.) (Берлин, Государственный музей) ¹⁴⁴. На голове актрисы — головной убор, напоминающий шлем, волосы ниспадают круто завитыми локонами. Лицо актрисы большое, с крупными чертами, достаточно выразительными, фигура несколько грузновата, одежда в красивых складках, облегающих тело, у пояса висит длинный меч (рис. 23). Этот жизненный образ помогает воссоздать картину театральных представлений той эпохи. Все перечисленные произведения скульптуры созданы в византийских городах — Константинополе, Эфесе, Афинах и других культурных центрах того времени.

Мировое признание в средние века получили произведения художественного ремесла и прикладного искусства Византии: изумительной красоты ювелирные украшения из золота и драгоценных камней, диптихи и ларцы из слоновой кости, украшенные резьбой и инкрустациями, утонченные изделия из цветного стекла — сосуды, бусы, светильники, вышитые причудливыми рисунками шелковые ткани ¹⁴⁵. Византийские художники в области живописи, мозаики, мелкой пластики, ювелирного дела, эмалей и тканей, книжной миниатюры долгое время являлись законодателями вкусов. «Они служили своего рода эталонами, на которые ориентировались и которым стремились подражать по мере сил и возможностей» ¹⁴⁶. В Государственном Эрмитаже в Ленинграде хранится одно из лучших в мире собраний произведений византийского искусства ¹⁴⁷. Херсонесский музей располагает уникальной коллекцией произведений византийского искусства и художественных промыслов, которая постоянно пополняется новыми находками.

В ранней Византии в прикладном искусстве четко прослеживаются две струи — аристократическая и народная. Аристократическое прикладное искусство было ориентировано на рафинированные вкусы императорского двора, столичной знати и высшего духовенства. Из неиссякаемого родника народного творчества черпали свои навыки и высочайшую технику мастера, создававшие эти произведения рафинированного искусства. Но рядом жило и прикладное искусство, прямо рассчитанное на широкие

¹⁴¹ Ibid., S. 199.

¹⁴² Ibid., S. 193.

¹⁴³ Ibid., S. 189.

¹⁴⁴ Ibid., S. 213.

¹⁴⁵ Банк А. В. Прикладное искусство Византии. М., 1978.

¹⁴⁶ Искусство Византии в собраниях СССР, с. 5.

¹⁴⁷ Банк А. В. Искусство Византии в собраниях Государственного Эрмитажа. Л., 1960; Она же. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.; М., 1966.

народные массы: разнообразные керамические изделия, более грубые украшения, сосуды из стекла, дешевые ткани. Христианская церковь покровительствовала в первую очередь, разумеется, искусным мастерам, изготовлявшим драгоценную церковную утварь — паникадила, великолепные чеканные сосуды из золота и серебра, украшенную вышивкой одежду иерархов. В этих произведениях прикладного искусства уже широко использовались христианские сюжеты и благочестивые символы и эмблемы. Одновременно церковь поддерживала и простых ремесленников, изготовлявших украшения для скромных храмов и монастырей. Все чаще при храмах и монастырях создавались свои ремесленные мастерские.

Однако в прикладном искусстве Византии в меньшей мере, чем в архитектуре и живописи, определилась ведущая линия развития византийского искусства, отражающая становление средневекового миросозерцания. Живучесть античных традиций здесь проявлялась как в образах, так и в средствах художественного выражения. Особенно отчетливо это видно на памятниках, созданных в крупных эллинизированных центрах, и наиболее ярко в искусстве столичных мастеров. Вместе с тем в прикладное искусство Византии проникали и постепенно ассимилировались художественные вкусы народов Востока, различных провинций, не столь приверженных античной традиции и в большей мере воспринявших новые образцы и художественные формы. Здесь свою роль сыграло, хотя и в меньшей степени, чем на Западе, воздействие варварского мира.

Светская культура еще почти полностью господствовала в это время в сфере театральных представлений и массовых зрелищ. В городах империи по-прежнему процветали массовые зрелища, в большинстве случаев унаследованные от позднеантичной эпохи. Они привлекали почти все население городов, начиная с правителей и окружающей их аристократии и кончая самыми широкими народными массами¹⁴⁸. Правда, античный театр начинает клониться к упадку: античные трагедии и комедии все чаще заменяются выступлениями мимов, жонглеров, танцовщиков, гимнастов, укротителей диких зверей. Место театра занимает ныне цирк (ипподром) с его конными ристаниями, пользующимися огромной популярностью. Именно цирк становится центром социальных битв, местом столкновения спортивных и политических страстей. Поэтому немудрено, что в светском изобразительном искусстве тема зрелищ, особенно конных ристаний в Константинополе в присутствии императора и двора, получила самое широкое распространение.

Особой известностью пользуется рельеф на цоколе обелиска Феодосия I, стоящего и ныне на ипподроме в Стамбуле. На этом рельефе изображен император Феодосий со своими сыновьями и свитой в императорской ложе в цирке, по бокам ложи стоят высшие государственные чиновники, позади них — гвардия из варваров-германцев. Внизу, под центральной ложей, расположены ряды зрителей. На рельефе воспроизведена сцена награждения возниц в перерыве между заездами. В руках император держит венок, который он возложит на голову победителя¹⁴⁹. Реальное изображение возникшего на конной квадриге мы встречаем на шелковой ткани VI—VII вв. (Axen. Münsterschatz)¹⁵⁰. Сценки большой жизненной правды, списанные с натуры и изображающие различные моменты конных ристаний в цирке Константинополя, мы встречаем на остатках мраморных рельефов, найденных в столице империи. Совершенно великолепны по высочайшему художественному уровню исполнения диптихи из слоновой кости V в., на которых воссозданы сцены борьбы вооруженных воинов в цирке с дикими зверями¹⁵¹ (рис. 24). Сцены ристаний

¹⁴⁸ Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агнографии. М., 1917; Vogt A. Etudes sur le théâtre byzantin. — Byz., 1931, p. 639—640; Guiland R. Etudes sur l'Hippodrome de Byzance. VI. Les spectacles de l'Hippodrome. — BS, 1966. XXVII; Cameron A. Porphyrius the Charioteer. Oxford, 1974.

¹⁴⁹ Wessel K. Die Kultur von Byzanz, S. 35.

¹⁵⁰ Ibid., S. 209.

¹⁵¹ Ibid., S. 35; Browning R. Justinian and Theodora, p. 62—63.

в цирке мы находим и на мозаиках VI в. из Туниса¹⁵². Знаменитому возникшему Порфирию был воздвигнут памятник на ипподроме в Константинополе (VI в.)¹⁵³. Особенно впечатляющие сцены ристаний в цирке на мозаиках IV в. из Карфагена¹⁵⁴. Подобные примеры можно умножить. Христианская церковь предавала анафеме светские языческие зрелища, стремилась заменить их церковными праздниками, требовала, чтобы христиане шли на литургию, а не в цирк. Однако усилия церкви еще не имели большого успеха. Лишь к концу изучаемого периода массовые зрелища и народные организации (димы) приходят в упадок и в социальной психологии народных масс происходит решительный поворот в пользу образа жизни, насаждаемого христианской церковью.

Музыка занимала особое место в византийской цивилизации. Она была чрезвычайно многообразна: музыка городских улиц, театральных и цирковых представлений и народных празднеств, богатейшая песенно-музыкальная практика многих народов, населявших империю. Каждый из этих видов музыки имел свой собственный эстетический и социальный смысл, и в то же время, взаимодействуя, они сливались в единое и неповторимое целое. Музыка включалась как важная составная часть в жизнь императорского двора, знати, парадные приемы иностранных послов, торжественные праздники и выходы василевса к народу. Это придавало музыке особый гражданский статус, и, разумеется, основой придворной светской музыки были традиции, воспринятые от позднеримской эпохи. Своеобразное сочетание авторитарности и демократизма, столь характерное для общественного строя ранней Византии, не могло не сказаться и на характере музыкальной культуры, которая представляла сложное и многоликое явление духовной жизни эпохи. Христианство очень рано оценило особые возможности музыки как искусства универсального и в то же время обладающего силой массового и индивидуального психологического воздействия и включило ее в свой культовый ритуал. Именно культовой музыке суждено было занять доминирующее положение в средневековой Византии, хотя и светское музыкальное творчество никогда не исчезало¹⁵⁵.

В повседневной жизни византийцев довольно долго сохранялись унаследованные от поздней античности традиции и обряды, особенно те, которые сопровождали человека в наиболее важные моменты его жизни. Вместе с тем наряду с продолжавшими жить языческими традициями быт и нравы византийцев постепенно приобретают новые черты. Новые особенности быта людей той эпохи проявились в постепенной (хотя и не всегда глубокой) христианизации общества, в укреплении семьи и одновременном падении интереса к общественным делам, в тенденциях уйти в частную жизнь. С этим связаны такие новые явления быта, как распространение закрытой одежды, более закрытого для посторонних жилища, перемещение торговли с рынка (агоры) в портики улиц¹⁵⁶.

Подведем итоги. В ранней Византии, как мы видели, интенсивно формировались основные особенности византийской культуры, окончательно сложившиеся в последующий период. Прежде всего к ним следует отнести «открытость» византийской культуры многообразным культурным влияниям, как получаемым извне, от соседних стран и народов, так и впитываемым изнутри, из культуры полиэтничного населения империи. Но постепенно уже в ранний период эти влияния абсорбировались и затем синтезировались главной, ведущей греко-римской культурой. Греко-римская в своей основе византийская культура в процессе становления и раз-

¹⁵² *Browning R.* Justinian and Theodora, p. 61.

¹⁵³ *Ibid.*, p. 109.

¹⁵⁴ *Ibid.*, p. 110.

¹⁵⁵ *Герцман Е. В., Монахова С. Е.* Об актуальных проблемах изучения ладовых особенностей византийской музыки. — ВВ, 1980, 41, с. 234—248.

¹⁵⁶ *Talbot Rice T.* The Everyday Life in Byzantium. L., 1967; *Balsdon J. P. V. D* Life and Leisure in Ancient Rome. N. Y.; L., 1969.

вития значительно обогатилась элементами культуры народов Востока, что придало ей неповторимый колорит, который так отличает ее от культуры Западной Европы. Окончательной победе именно греко-римской культуры над многообразными, в том числе и сильными восточными, влияниями способствовало сохранение в Византии в значительных масштабах античного культурного наследия. И здесь, как в сфере взаимодействия восточных и западных влияний, на мой взгляд, произошел органический синтез позднеантичных элементов с нарождающейся культурой средневекового общества. Цитаделью сохранения культурного наследия античности были города, и в первую очередь Константинополь. Выдающаяся роль городов и светской городской культуры и образованности в ранней Византии является еще одним важным типологическим ее отличием от Западной Европы той эпохи¹⁵⁷.

¹⁵⁷ К. Вессель справедливо считает культуру ранней Византии городской. См.: *Wessel K. Die Kultur von Byzanz*, S. 194 f.